

Молли Мун и волшебная книга гипноза

Автор:

Джорджия Бинг

Молли Мун и волшебная книга гипноза

Джорджия Бинг

Молли Мун #1 Современная художественная литература (11-16 лет)

Маленькую сиротку Молли Мун обнаружили в картонной коробке с надписью «Шоколадный зефир, фабрика Муна».

Она живёт в Хардвикском приюте, где властвует мисс Гадкинс – чудовищная особа, которая заставляет девочку чистить унитазы зубной щёткой. Но однажды Молли находит таинственную старинную книгу по гипнотизму, и её жизнь в одночасье меняется. Молли раскрывает в себе удивительную способность – заставлять людей делать всё, что она хочет.

Когда её лучшего друга усыновляют, Молли использует свои силы, чтобы сбежать из приюта вслед за ним. Но на пути Молли встаёт зловещий незнакомец. Он знает секрет девочки и намерен использовать её необычайные способности для своих гнусных целей.

Джорджия Бинг

Молли Мун и волшебная книга гипноза

MOLLY MOON'S INCREDIBLE BOOK OF HYPNOTISM

Georgia Byng

Книга издана с согласия автора и при содействии литературного агентства «Синописис».

First published 2002 by Macmillan Children's Books

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Copyright © Georgia Byng 2002 All rights reserved

© Е. Токарева, перевод на русский язык, 2021

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

© А. Лопатина, иллюстрации в книге, 2021

© А. Лопатина, иллюстрация на обложку, 2022

* * *

С любовью посвящается Марку за то,

что вдохновлял меня, поддерживал и иногда смешил

Глава первая

Молли Мун опустила глаза и грустно посмотрела на свои розовые пятнистые лодыжки. Вода в ванне не была виновата в том, что ноги стали крапчатыми, как колбасный фарш. Они всегда были такими. Может быть, когда-нибудь эти ноги с торчащими коленками станут самыми красивыми на свете. Ведь превратился же гадкий утёнок в прекрасного лебедя. Хоть какая-то надежда.

Молли откинулась на спину так, чтобы кудрявые каштановые волосы и уши погрузились в воду. Над ней блёклой полоской светилась лампа дневного света, на жёлтом потолке, засиженном мухами, облупливалась краска, а в углу, на влажном пятне, росла какая-то странная плесень. Вода залилась в уши, и все звуки слышались будто сквозь густой туман. Мир уплыл далеко-далеко.

Молли закрыла глаза. Стоял обычный ноябрьский вечер. Лёжа в обшарпанной ванной комнате в ветхом доме под названием Хардвикский приют, девочка представила себе, что взлетает в воздух, как птица, и смотрит с высоты на серую шиферную крышу среди заросшего ежевикой сада. Вот она взмывает всё выше и выше, под ней расстилается пологий склон холма, на котором стоит деревня Хардвик. И опять – всё вверх и вверх, пока Хардвикский приют не стал совсем крохотным. Вскоре и весь город Брайерсвилль оказался как на ладони. Ещё выше – разбегаются вдаль окрестные поля и леса, на горизонте показалось побережье, вот уже со всех сторон плещется море. Мысли девочки взлетели выше облаков. Она представила себе, что летит в космосе и оттуда смотрит на Землю. Там она будет парить долго-долго. Молли любила мысленно улетать с Земли. Это был её способ отдыхать. И нередко, расслабившись, она испытывала какое-то особенное чувство.

Вот и сегодня на неё нахлынуло это странное ощущение – будто с ней вот-вот должно случиться что-то загадочное, удивительное. Когда такое ощущение посетило Молли в прошлый раз, она нашла в деревне на тротуаре недоеденный пакет с конфетами. А в позапрошлый раз ей удалось вечером смотреть телевизор целых два часа вместо одного, и ей ничего за это не было. Молли задумалась: какой приятный сюрприз ждёт её сегодня? Она открыла глаза и снова очутилась в ванне. Молли вгляделась в своё лицо, вкривь и вкось отражённое нижней стороной хромированного крана. О боже. Неужели она в самом деле такая уродливая? И этот розоватый комок теста – её лицо? И эта картошка – её нос? А эти маленькие зелёные блёстки – глаза?

Снизу донёлся громкий стук – будто колотили молотком по дереву. Странно – здесь вроде бы ничего не ремонтируют. И вдруг Молли поняла, что молоток тут ни при чём – кто-то колотит в закрытую дверь ванной. Плохо дело. Молли вскочила и стукнулась головой о водопроводный кран. Грохот становился всё громче и громче, к нему добавился разъярённый крик.

– Молли Мун, а ну открой дверь сейчас же! А не то вскрою замок отмычкой!

Молли услышала, как звякают ключи в связке. Она опустила глаза, посмотрела на воду – и ахнула. Воды было намного больше, чем позволялось правилами. Девочка выскочила из ванны, вытащила пробку и потянулась за полотенцем. Как раз вовремя. Дверь распахнулась. Мисс Гадкинс влетела в комнату и, как змея, метнулась к ванне. Обнаружив, что в дырку с бульканьем утекает высоко налитая вода, она кровожадно наморщила чешуйчатый нос. Потом закатала кримпленовый рукав и сунула пробку на место.

– Так я и думала, – прошипела она. – Преднамеренное нарушение правил сиротского приюта.

Злобно сверкнув глазами, мисс Гадкинс достала из кармана рулетку, вытянула из неё длинную металлическую ленту и, кровожадно причмокивая болтающейся во рту вставной челюстью, измерила, высоко ли стоит вода в ванне. Как она и думала, уровень воды намного превышал красную линию, нарисованную вокруг бортика. От холода Молли стучала зубами, её колени посинели, однако остались такими же пятнистыми. Из щели между оконными створками тянуло ледяным сквозняком, но, несмотря на это, у девочки вспотели ладони. Так бывало всегда, если она волновалась или боялась.

Мисс Гадкинс встряхнула рулетку, вытерла её о рубашку Молли и со щелчком втянула ленту в коробочку. Молли собрала все силы, чтобы взглянуть в лицо тощей старой девы. Та, с короткой седой стрижкой и волосами на лице, больше напоминала мистера, чем мисс.

– Ты налила ванну глубиной в тридцать сантиметров, – провозгласила мисс Гадкинс. – Если учесть то количество, которое ты обманным путём спустила в канализацию, пока я стучалась в дверь, я догадываюсь, что твоя ванна имела глубину в целых сорок сантиметров. Тебе известно, что правила позволяют наливать ванну только на десять сантиметров. Ты превысила разрешённый уровень в четыре раза, а это значит, что ты уже использовала свои следующие три ванны. Следовательно, Молли Мун, тебе запрещается принимать ванну ещё три недели. А наказание... – Мисс Гадкинс схватила зубную щётку Молли. У бедняжки душа ушла в пятки: она поняла, что мисс Гадкинс готовит ей своё излюбленное наказание.

Мисс Гадкинс оглядела Молли своими тусклыми чёрными глазами. Её лицо чудовищно заколыхалось: она языком сняла вставную челюсть, покрутила её во рту и поставила на место. Потом старуха ткнула в Молли зубной щёткой.

– На этой неделе ты будешь отвечать за туалеты. Унитазы должны сверкать, как стёклышки, и чистить их ты будешь вот этой щёткой. И только попробуй взять обычную туалетную щётку: я буду за тобой следить.

Мисс Гадкинс в последний раз удовлетворённо причмокнула вставной челюстью и вышла из комнаты. Молли обессиленно присела на край ванны. Значит, то предчувствие, что посетило её сегодня, означало всего лишь беду. Она с отвращением взглянула на облезлую зубную щётку, надеясь, что её друг Рокки поделится с ней своей.

Дёргая за болтающуюся нитку на своём застиранном, потёртом полотенце, она подумала: до чего же здорово, наверное, завернуться в мягкое, пушистое белое полотенце. Такое, о каком поют в рекламном ролике по телевизору:

Мягкость – удивительная!

Нежность – восхитительная!

«Облако девятый номер» –

Самый лучший порошок!

Молли любила рекламу. Яркие ролики показывали ей, какой радостной и уютной бывает жизнь, возносили её в свой сверкающий мир. Многие ролики были дурацкими, но у Молли было несколько самых любимых, совсем не глупых. Их персонажей она считала своими друзьями – они всегда были рады видеть её, когда она мысленно приходила к ним в гости.

Роскошь, мягкость, наслаждение.

Не порошок, а загляденье!

Задрезжал звонок, сзывающий на вечернее собрание. Молли нехотя стряхнула с себя грёзы о белых полотенцах и поморщилась. Опять опоздала. Как всегда. Везде она опаздывает, все шишки ей на голову валятся. Её прозвали Зона бедствия, или просто Беда, – за то, что она такая неуклюжая и вечно на что-нибудь натывается. Другими её прозвищами были Дрёма, потому что ребята говорили, будто её голос навеивает на них дремоту, и Лупоглазая, потому что её тёмно-зелёные, близко посаженные глаза были чуть-чуть навывкате. Только её лучший друг Рокки да кое-кто из сирот помладше звали её Молли.

– Молли! Молли!

По коридору сломя голову мчались ребята. В конце коридора Молли разглядела тёмно-коричневое лицо Рокки, обрамлённое чёрными кудряшками. Он махал ей, поторапливая. Молли схватила зубную щётку и побежала в спальню, где вместе с ней жили ещё две девочки – Гизела и Синтия. Посреди коридора на неё налетели двое мальчишек – Роджер Фиббин и Гордон Бойлз. Они грубо оттолкнули её.

– Прочь с дороги, Беда!

– Проваливай, Лупоглазая!

– Скорее, Молли! – воскликнул Рокки, засовывая ноги в шлёпанцы. – Нельзя опять опаздывать! А то у Гадкинс истерика начнётся... И она подавится своей вставной челюстью! – весело добавил он и улыбнулся подруге, глядя, как она торопливо ищет пижаму. Рокки всегда умел подбодрить её. Он так хорошо её знает.

А начиналось это так.

* * *

И Молли, и Рокки попали в Хардвикский приют десять лет назад. Белая малышка и чёрный малыш.

Мисс Гадкинс нашла Молли в картонной коробке на крыльце приюта, а Рокки обнаружили в кузове от коляски на автостоянке позади Брайерсвилльского полицейского участка. Нашли его по чистой случайности – только потому, что он вопил во всю мочь и его слышали.

Мисс Гадкинс не любила младенцев. Эти крикливые мокрые вонючие существа вызывали у неё отвращение, а уж о том, чтобы менять им пелёнки, не могло быть и речи. Для ухода за Молли и Рокки она наняла миссис Тринкелбери – стеснительную вдову, которая и раньше помогала выхаживать младенцев-подкидышей. А миссис Тринкелбери всегда давала младенцам имена по той одежде или предметам, в которых их нашли, – например, Мозес Корзинс лежал в плетёной корзинке, а Лента Атлас была одета в ночную рубашечку с атласными лентами. Поэтому Молли и Рокки тоже получили экзотические имена.

Фамилия Молли – Мун – произошла от надписи «Шоколадный зефир, фабрика Муна», напечатанной розовыми и зелёными буквами на стенках её картонной колыбельки. А внутри коробки миссис Тринкелбери нашла леденцовую палочку «Лолли» и дала девочке имя Лолли Мун. Однако мисс Гадкинс отвергла имя Лолли, и малышка стала зваться Молли Мун.

А имя Рокки произошло от его красной коляски. На её откидном верхе было написано: «Пурпурный рокер Скарлет». Рокки был крепко сложен, тяжёл, как камушек, и на редкость спокоен. Безмятежность его происходила от мечтательности – однако она была совсем не такой, как у Молли. Та спала на ходу, пытаясь в грёзах укрыться от мрачной действительности, а Рокки словно размышлял над удивительным миром, который простирается вокруг. Даже в младенчестве он нередко лежал в своей колыбельке, задумавшись о чём-то и тихонько мурлыкая про себя. Глядя на привлекательное лицо малыша и слушая его низкий хрипловатый голос, миссис Тринкелбери говорила, что

когда-нибудь он станет рок-звездой и будет петь дамам любовные песни. Поэтому она дала ему имя Рокки Скарлет, и оно очень ему подходило.

Миссис Тринкелбери не блистала умом, но сердце у неё было доброе. Маленьким Молли и Рокки повезло, что их вынянчила добрая старушка, потому что если бы они с младенчества попали к злющей мисс Гадкинс, то решили бы, что весь мир такой же плохой, как она, и сами выросли бы плохими. А миссис Тринкелбери качала их на толстой коленке, и они засыпали под её тихое пение. У неё они выучились доброте. А по ночам, если они спрашивали, почему их подкинули под чужую дверь, она отвечала, что они стали сиротами, потому что злой кукушонок вытолкнул их из гнёздышка. А потом она пела им колыбельную. Вот такую:

Простите, ребятки, того кукушонка,

Что вытолкнул вас из гнезда.

Его мама-кукушка учила с пелёнок

Толкаться везде и всегда.

И, хоть иногда Молли и Рокки сердились на своих неведомых родителей за то, что те бросили их, песня доброй старушки успокаивала их.

Но миссис Тринкелбери больше не жила с ними в приюте. Как только Молли и Рокки выросли из пелёнок, её отослали прочь. Теперь она заходила только раз в неделю, чтобы прибраться и постирать. Молли и Рокки мечтали, чтобы в приют попали ещё младенцы-подкидыши и тогда миссис Тринкелбери вернулась бы, но этого никак не случилось. Иногда, бывало, поступали маленькие дети, но они уже умели ходить и говорить, и мисс Гадкинс назначала Молли и Рокки к ним в няньки. Самой маленькой девочке в приюте – Руби – уже исполнилось пять лет, и она давным-давно не нуждалась в пелёнках, даже по ночам.

* * *

Близилась ночь.

Вдалеке Молли услышала приглушённый скрежет – это часы с кукушкой в комнате мисс Гадкинс пробили шесть.

– Опять опоздали, – охнула Молли, хватая халат с крючка за дверью.

– Будет орать как ненормальная, – подхватил Рокки, и оба помчались по коридору. На бегу ребята умело огибали все препятствия, встречающиеся по дороге: они проделывали этот путь уже тысячи раз. Свернули за угол, скользя по натёртому линолеумному полу, и через три ступеньки поскакали вниз по лестнице. Тихонько, затаив дыхание, на цыпочках прокрались по квадратным каменным плиткам через вестибюль мимо телевизионной комнаты и направились к дубовой двери общего зала. Потом скользнули внутрь.

Вдоль обшитых дубом стен стояли навтыяжку девять детей. Четверым из них ещё не было семи лет. Молли и Рокки пристроились в конец шеренги, рядом с двумя дружелюбными пятилетками по имени Руби и Джинкс. Они надеялись, что мисс Гадкинс ещё не добралась до их имён в списке. Молли скользнула взглядом по хмурым лицам ребят постарше, стоявших напротив. Самая противная девчонка в приюте, Гизела Хеккерсли, мстительно прищурила глаза. Гордон Бойлз провёл ребром ладони по горлу, будто ножом.

– Руби Эйбл! – зачитала мисс Гадкинс.

– Я, мисс Гадкинс, – пропищала маленькая Руби из-за плеча Молли.

– Гордон Бойлз!

– Здесь, мисс Гадкинс, – отозвался Гордон и скорчил Молли рожу.

– Джинкс Эймс!

Руби ткнула Джинкса в бок.

– Здесь, мисс Гадкинс, – откликнулся он.

– Роджер Фиббин!

– Здесь, мисс Гадкинс, – буркнул высокий худощавый мальчишка, стоявший рядом с Гордоном, и злобно взглянул на Молли.

– Гизела Хеккерсли!

– Здесь, мисс Гадкинс.

Молли вздохнула с облегчением. Её имя было следующим.

– Джерри Оукли!

– Здесь, мисс Гадкинс, – откликнулся семилетний Джерри и сунул руку в карман, где рвалась на свободу маленькая ручная мышка.

– Синтия Редмон!

– Здесь, мисс Гадкинс, – ответила Синтия и подмигнула Молли.

Молли встревожилась: когда же назовут её имя?

– Крейг Редмон!

– Здесь, мисс Гадкинс, – проворчал брат-близнец Синтии. Мисс Гадкинс, похоже, забыла про Молли. Девочка порадовалась.

– Джемма Пейтел!

– Здесь, мисс Гадкинс.

– Рокки Скарлет!

– Здесь, – отозвался запыхавшийся Рокки.

Мисс Гадкинс захлопнула журнал.

– Как обычно, Молли Мун сегодня не пришла.

– Я уже здесь, мисс Гадкинс. – Молли не верила своим ушам. Значит, мисс Гадкинс нарочно назвала её имя в самом начале, чтобы подловить на опоздании.

– Сейчас уже не считается, – возразила мисс Гадкинс, кривя губы. – Сегодня вечером будешь мыть посуду. Эдна будет рада получить выходной.

От огорчения Молли крепко зажмурила глаза. Мысль о том, что сегодня с ней произойдёт нечто особенное, быстро тускнела. Похоже, этот вечер будет таким же, как и все остальные, полным неприятностей.

Своим чередом началась вечерняя служба. В это время было принято петь гимн и читать молитвы. Обычно раскатистый голос Рокки перекрывал все остальные, но сегодня он пел тихо, словно берёт дыхание. Молли надеялась, что зимой у него не будет бесконечных приступов астмы. И дальше вечер шёл как всегда, как проходили все триста шестьдесят пять вечеров в году.

Когда закончилась последняя молитва, прозвучал гонг к ужину, и распахнулась тяжёлая дверь в столовую. Мальчишки и девчонки поспешили к столу, откуда навстречу им тяжёлыми волнами накатывал запах протухшей рыбы. Ребята не раз видели эту рыбу в пластиковых ящиках, в переулке за кухонными дверями. По ней ползали жуки и мухи, и воняла она так, будто пролежала там по меньшей мере неделю. И все знали, что Эдна, приютская кухарка, наверняка опять запекла рыбу под толстым слоем жирного сырno-орехового соуса, чтобы отбить её гнилостный вкус. Этому приёму она научилась, когда служила на флоте.

В эту минуту Эдна, могучая и мускулистая, с седыми космами и приплюснутым носом, стояла возле стола и пристрастно следила, чтобы каждый из ребят съел всё без остатка. С моряцкой татуировкой на бедре (о ней ходило немало разговоров) и солёными грубостями на языке Эдна походила на просмолённого пирата. Её норов притаился внутри, будто спящий дракон, и дракон этот, если его разбудить, показывал зубы и изрыгал пламя.

Дрожащие от страха ребята, сдерживая тошноту, безропотно выстроились в очередь, а Эдна щедрой рукой раскладывала по тарелкам пахучие порции.

– Эдна, у меня аллергия на рыбу.

– А ну, взять на борт проклятую тресковую отбивную, – хрипло скомандовала Эдна, вытирая нос рукавом халата.

– Эту треску и правда здорово избили, – шепнула Молли другу, тоскливо глядя на тарелку с рыбой.

* * *

Обыкновенный вечер близился к концу. До отхода ко сну Молли оставалось только отбыть наказание – помыть посуду. Как обычно, Рокки вызвался помочь.

– Можем сочинить песню о мытье посуды, – сказал он. – Наверху всё равно сидят только Гордон и Роджер. Опять будут задираться.

– Они тебе просто завидуют. Сходи наверх да отлупи их хорошенько, – предложила Молли.

– Не хочу руки марать.

– Но ты терпеть не можешь мыть посуду.

– Ты тоже. А с моей помощью ты быстрее справишься.

И в этот вечер, такой заурядный, двое друзей отправились в подвал, в буфетную. Но предчувствие не подкачало. Нынче вечером и впрямь должно было произойти нечто необыкновенное. И оно приближалось.

* * *

В подвале было холодно, с труб над головой капала вода, в стенах зияли дыры, из которых тянуло холодом, плесенью и мышами.

Молли повернула кран, и оттуда сердито брызнула чуть тёплая вода. Рокки пошёл за жидкостью для мытья посуды. Из коридора доносилось ворчание Эдны – она катила по наклонному полу тележку, нагруженную одиннадцатью тарелками из-под жирной рыбы.

Молли скрестила пальцы, чтобы Эдна просто оставила тележку с посудой у входа и ушла. Но вряд ли это произойдёт – скорее всего, она войдёт в буфетную и начнёт ругаться. Такова уж была Эдна. Вскоре пришёл Рокки с моющим средством. Он плеснул немного в раковину, изображая персонажа из их любимого рекламного ролика.

– О, мамочка! – воскликнул он, обращаясь к Молли. – Почему у тебя такие мягкие руки?

Молли и Рокки часто разыгрывали в лицах рекламные ролики и знали десятки из них наизусть, слово в слово. Им нравилось воображать себя героями рекламы.

– Ах, милый! – капризно пропищала Молли. – Они такие мягкие, потому что я пользуюсь самым лучшим средством для мытья посуды. Все остальные марки просто губительны для кожи. Лишь «Пенистое чудо» нежно и ласково!

Вдруг на плечо Молли, развеяв их воображаемый мирок, обрушилась громадная, как лапа динозавра, рука Эдны. Молли метнулась в сторону, ожидая, что на голову ей изрыгнётся поток проклятий. Но вместо этого у неё над ухом прогудел тошнотворно-слащавый голос:

– Ступай, детка, я сама помою. Иди поиграй.

Детка? Молли изумилась – уж не ослышалась ли она? Эдна никогда не разговаривала с ней по-доброму. Обычно Эдна была чудовищно груба и сердита. Но сейчас она улыбалась, и улыбка была оскаленной, щербатой.

– Но мисс Гад...

– Не волнуйся, – успокоила её Эдна. – Иди отдохни. Поди посмотри этот чёртов телевизор.

Молли обернулась к Рокки – тот казался чуть-чуть смущённым. Потом оба воззрились на Эдну. Перемена в старой кухарке была удивительна. Словно у неё на голове вдруг выросли тюльпаны.

И это было только первое из необычайных событий, случившихся на этой неделе.

Глава вторая

Если уж начинает не везти, то кажется, что несчастья никогда не кончатся. Молли тоже нередко так полагала, и неудивительно: ведь ей так часто не везло. Если бы она знала, что удача скоро улыбнётся ей, то назавтра, может быть, сильнее радовалась бы наступающему дню, ибо к концу этого дня ей начнёт казаться, что скоро с ней случится целая куча всяких интересных вещей. Но наутро, после крепкого сна, открыв глаза на комковатом уютном матрасе, Молли с первой минуты поняла: день не заладился. А случилось вот что.

* * *

Она проснулась, вздрогнув оттого, что у неё над ухом оглушительно задребезжал колокольчик. Рослая Гизела, любимица мисс Гадкинс, обожала будить Молли всякими жестокими способами. Гизела аккуратно зачесала назад свои чёрные, до плеч, волосы, связала их лентой и с трудом натягивала узкую синюю школьную форму на свою спортивную фигуру.

– Слышишь, Лупоглазая, сегодня на физкультуре будет кросс, а потом – контрольная на пятьдесят слов, – объявила она. Потом отошла, весело помахивая колокольчиком и радуясь, что испортила Молли всё утро.

Молли быстро оделась и заглянула в спальню, где жили Рокки и Гордон. В знак приветствия Гордон швырнул в неё мокрым бумажным стаканчиком. Рокки напевал про себя, ничего не замечая вокруг.

– Рок, – сказала Молли. – Ты не забыл, что сегодня контрольная?

Они пытались повторять трудные слова за завтраком, но добились только того, что мисс Гадкинс отобрала у них тетради с домашними работами. Потом мисс Гадкинс с восхищением наблюдала, как Молли чистит унитазы зубной щёткой. К половине девятого бедняжку начало тошнить.

На пути в школу утреннее настроение не улучшилось.

Брайерсвилльская начальная школа, в которой они учились, была таким же, как приют, серым каменным зданием в пятнадцати минутах ходьбы. По дороге один из деревенских мальчишек швырнул в Гизелу водяную бомбу. Та увернулась, и бомба попала прямо в Молли, промолив её насквозь. Гизела со своими приспешниками, четырьмя старшими приютскими детьми, решила, что это очень смешно.

Из-за всего этого Молли и Рокки опоздали в школу. Они пропустили утреннее собрание, пытаясь высушить куртку Молли на тёплой батарее в девчоночьей раздевалке. Они понимали, что опоздают и на первый урок, а это неразумный поступок.

– Опоздали! – проскрипела их учительница миссис Жаббс, когда они появились на пороге. – И к тому же пропустили собрание! Я назначу вам наказание позже. Ап-чхи! – Миссис Жаббс разразилась чиханием, что всегда случалось с ней, стоило ей рассердиться.

Молли вздохнула. Опять наказание.

В наказаниях миссис Жаббс была изобретательной. И, конечно же, Молли знала их лучше всех остальных. Например, в десятый раз поймав Молли на том, что та жуёт бумагу, миссис Жаббс усадила её в углу класса и заставила съесть целую стопку компьютерной бумаги. У Молли ушло на это два часа. Было ужасно невкусно. Трудно представить себе, что деревянистая масса – это на самом деле бутерброд с кетчупом или пончик. Вкус-то всё равно остаётся бумажный.

Молли терпеть не могла миссис Жаббс и радовалась, что учительница такая мерзкая на вид: с опухшим, точно заплаканным лицом, почти лысая, а живот – точно резиновый мешок с водой. Так ей и надо, уродине. Может быть, стоит

пожалеть миссис Жаббс за то, что у неё так громко урчит в животе, за то, что у неё аллергия на всё на свете и она постоянно чихает, думала Молли. Но всё-таки ненавидела свою училку.

Приступы чихания у миссис Жаббс иногда бывали полезны – во время них легко было списать, – но на сегодняшней контрольной о списывании не могло быть и речи, потому что ни Рокки, ни Молли не подготовились. Они уныло уселись за изъеденные червями парты в переднем ряду.

И кто только выдумывает такие контрольные? Надо было не только правильно написать слова, но и разъяснить их значение. Молли и Рокки блуждали вслепую в дебрях неведомых слогов, пытаюсь угадать ответ.

Наконец работа закончилась. Миссис Жаббс собрала тетради, дала классу задание по английскому и села проверять контрольные. Начала она с работы Молли. Через пару минут на весь класс закрипел её пронзительный голос, то и дело прерываемый чиханием. У Молли в животе всё сжалось: началась очередная взбучка. Силы девочки таяли. В конце концов, есть же предел человеческому терпению! Молли с головой закрылась в своей противоругательной скорлупе и отключилась. Она давно научилась вот так уходить в себя, чтобы жестокий язык миссис Жаббс не ранил её слишком сильно. Мысленно она улетала всё дальше и дальше, и вскоре гнусный голос миссис Жаббс звучал тихо-тихо, будто по телефону, а крапчатый рисунок на её бесформенной юбке слился в размытое лилово-оранжевое пятно.

– И слово «бесславный» ты тоже объяснила неправильно, – скрипел визгливый голос. – Ап-чхи! На самом деле оно означает «известный, только с плохой стороны», и, надо сказать, оно напрямую относится к тебе. Слышишь, Молли? А? А? А?

Молли выпрямилась.

– Молли Мун! Да слушаешь ты меня или нет, негодная девчонка?

– Извините, что разочаровала вас, миссис Жаббс. В следующий раз я постараюсь лучше.

Миссис Жаббс фыркнула, чихнула и села. В её артериях пульсировал адреналин.

Молли мысленно поставила сегодняшнему утру десять баллов из десяти за гнусность. Но днём случилось нечто куда более страшное, и учителя здесь были ни при чём.

После обеда Молли со всем классом переодевалась к кроссу. Шёл проливной дождь, и дорожки на склоне холма, уходившие от школы в леса, раскисли от грязи. По стеклу раздевалки стекали мутные струйки, а Молли никак не могла отыскать свою кроссовку. Когда та наконец нашлась и они вместе с Рокки вышли под дождь, весь класс уже был далеко впереди. Рокки хотел нагнать остальных, но передвигаться по скользкой земле было очень трудно. Пробежав через заболоченный лесок, Молли совсем устала, а Рокки запыхался и начал задыхаться. Они присели передохнуть на скамейку под деревом. Кроссовки промокли, колени посинели от холода, но под пластиковыми куртками было очень жарко. Рокки снял куртку и завязал её вокруг пояса.

- Побежали дальше, - сказал он. - А то отстанем.

- Может, лучше вернуться? - предложила Молли.

- Молли, - раздражённо возразил Рокки, - ты что, с ума сошла? Хочешь, чтобы тебя опять наказали?

- Я не сошла с ума, я просто не люблю бегать.

- Давай же, Молли, побежали.

- Нет... не хочется.

Рокки склонил голову набок и задумчиво всмотрелся в её лицо. Он битых десять минут помогал ей найти кроссовку, а теперь она хочет впутать его в ещё большие неприятности.

- Молли, - проговорил он, едва сдерживая злость. - Если останешься, нас заставят бежать ещё два круга. Хотя бы попробуй.

- Нет, и пробовать не стану. Всё равно у меня ничего не получится.

Рокки возмущённо воззрился на неё.

– Знаешь, ты могла бы неплохо бегать, если бы захотела. А если ты научишься хорошо бегать, тебе это понравится. Но ты ведь и пробовать не хочешь. – Рокки поднял голову и посмотрел на дождевые тучи. – Так бывает со всеми делами. Если у тебя что-то не получается, ты просто бросаешь это. И тогда у тебя не получается ещё сильнее, и ты совсем перестаёшь пробовать, и тогда получается ещё хуже, а потом...

– Да замолчи же, Рокки! – Молли очень устала, и меньше всего ей хотелось выслушивать нотацию от лучшего друга. На самом деле она была потрясена, что Рокки заговорил так. Обычно он был очень терпим и лёгок в общении. Если ему что-то не нравилось, то он чаще всего не обращал на это внимания или просто отходил в сторону.

– А потом, – продолжал Рокки, – начинаются неприятности. – Он глубоко, шумно вдохнул. – И знаешь что? Мне до смерти надоело видеть, как ты без конца попадаешь в беду. Можно подумать, ты нарочно накликаешь их на себя. Словно тебе нравится, что тебя любят всё меньше и меньше.

Эти неожиданные слова больно задели Молли. Раньше Рокки никогда не критиковал её. Девочка пришла в ярость.

– Да тебя и самого не слишком-то любят, Рок Скарлет, – парировала она.

– Это потому, что я всегда с тобой, – небрежно бросил Рокки.

– Ничего подобного, тебя тоже никто видеть не хочет, – огрызнулась Молли. – Не такой уж ты идеальный. Весь в своих мыслях, будто живёшь на другой планете. Общаться с тобой – всё равно что пытаться завести разговор с марсианином. И ты совсем не надёжен. Бывает, я тебя часами дожидаюсь! Вчера, например, я тебя полдня прождала у шкафчиков в школе. А ты появился не торопясь, будто и не опоздал ничуть. И вечно что-то таишь, куда-то исчезаешь! Где, например, ты был вчера после школы? В последнее время ты пропадаешь куда-то по сто раз на дню! Пусть меня считают чокнутой, но и ты в глазах ребят такой же странный! Чудной бродячий менестрель!

– И всё равно меня любят больше, чем тебя, – уверенно ответил Рокки и отвернулся.

– Что ты сказал?

– Я сказал, – громко повторил Рокки, – что меня любят больше, чем тебя.

Молли встала и окинула Рокки испепеляющим взглядом.

– Я пошла, – заявила она. – Теперь я знаю, ты считаешь, что ты намного лучше, чем я. И знаешь что, Рокки? Можешь бежать сколько хочешь, догонять остальных. Иди, завоёвывай себе популярность. Я тебя удерживать не стану.

– Да не сердись же ты так. Я только хотел тебе помочь, – сказал Рокки и нахмурился. Но Молли разъярилась не на шутку. У неё внутри будто что-то сломалось. Она и так знала, что её любят меньше, чем Рокки, но слышать об этом не хотела. Её и вправду задирали все кому не лень, а к Рокки никто не приставал. Он был уверен в себе, погружён в свои мысли и неуязвим для насмешек, его трудно было вывести из себя. Гизела и её компания старались держаться от него подальше, и в школе у него было полно друзей. Многие из ребят втайне хотели походить на него. А Молли теперь ненавидела его за предательство. Она впилась в него свирепым взглядом, а он беспечно надул щёки, будто говоря: «Ну и надоела же ты мне!»

– И ты мне тоже. А сейчас ты похож на большого толстого карася. Может, кто-нибудь из твоих новых друзей посчитает это очень умным. – Она отошла от него, топая ногами, и во всё горло завопила: – Ненавижу эту школу! Она самая гадкая на свете! До чего же мне ПЛОХО!

Молли сломя голову помчалась сквозь кусты. Не будет она бежать этот гнусный кросс и вообще сегодня не вернётся в эту мерзкую школу. Она пойдёт в своё укромное местечко, туда, где её никто не найдёт. И пусть они кричат и плачут, пока не лопнут от злости!

Глава третья

Молли прокладывала себе дорогу сквозь лес на задворках школы. По ногам хлестала высокая мокрая трава, пестревшая папоротниками. Она подобрала ивовый прутик и принялась рубить растения. Первый же лохматый папоротник стал мисс Гадкинс. Вж-жик! Прутик просвистел в воздухе и снёс ей голову. «Старая корова!» – пробормотала Молли.

Вот это тёмно-зелёное ползучее растение будет Эдной. Вж-жик! «Мерзкая калоша!»

Она подошла к подножию старого тиса. На земле гнили ядовитые красные ягоды, а на стволе вырос огромный жёлтый отвратительный гриб. «Ага! Миссис Жаббс!»

Шмяк! Шмяк! Изрубив миссис Жаббс на вонючие куски, Молли почувствовала себя лучше. «Сама ты бесславная», – вполголоса проговорила она.

Молли пнула ногой крапиву, уселась на пенёк и задумалась над словами Рокки. Высокий стебель крапивы откачнулся обратно и обжёг ей щиколотку. Молли нашла листик щавеля и потёрла ужаленное место. Ей пришло в голову, что Рокки, может быть, прав – самую малость, – но она всё равно сердилась на него. В конце концов, она-то на него никогда не ворчала. Иногда, бывало, если он пел какую-нибудь из своих любимых песен, Молли приходилось встряхивать его, чтобы он обратил на неё внимание. Однако она не требовала, чтобы он изменил свои привычки. Молли считала, что Рокки любит её такой, какая она есть, и была потрясена, узнав, что ему не нравится хотя бы часть её натуры. Ещё неприятнее было видеть, как весело он общается с другими. Интересно, давно ли он презирает её, ничего не говоря? Может быть, он нарочно избегает её? Голова у Молли пылала. Как он сказал? Что она никогда ничего не пробует? Но она же великолепно разыгрывала вместе с ним рекламные ролики. Она же попробовала это! Может, надо найти какое-нибудь другое дело, которое получится? И она ему докажет. В душе Молли кипела от гнева и тревоги.

Молли зашагала дальше через лес, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Ей было очень жалко себя. Деревья расступились, и она очутилась на голом ветреном склоне холма. Внизу расстился городок Брайерсвилль. Виднелась школа, позади неё – главная улица, городская ратуша, общественные здания, дома горожан. Крыши блестели под дождём. По узким змеящимся улицам сновали машины, похожие издали на морских свинок. Молли захотелось, чтобы одна из этих машин подъехала к ней и отвезла домой, к тёплому уютному очагу. Какие же счастливицы остальные ребята из школы: даже в самый плохой день они возвращаются домой, где их все любят.

Мысли девочки изменили направление – перед ней очутился огромный рекламный щит, стоявший на окраине города. Каждый месяц на него наклеивали новые плакаты. Сегодня в жизнь каждого прохожего врывался бодрый призыв: «Будь крут, пей „кьют“!» На огромном щите был изображён мужчина в тёмных очках, загорающий на пляже. Он пил «кьют». Банка прославленного напитка переливалась золотисто-оранжевыми полосками, как будто мир согревался и освещался не солнцем, а «кьютом». Молли нравилось такое сочетание – банка выглядела жаркой на вид, но в то же время содержала внутри холодный напиток. Вокруг мужчины столпились загорелые красавцы и красавицы со всего пляжа, они восхищённо смотрели, как он пьёт. Все сверкали чудесными белозубыми улыбками, но самые ослепительные зубы были у того, кто пил «кьют».

Молли любила рекламу «кьюта». Ей казалось, она тоже идёт по белому песчаному пляжу и знает всех, кто снимался здесь. До чего ей хотелось перенестись в этот фантастический мир! Она понимала, что все эти люди – актёры и сцена поставлена искусственно, но всё равно верила, что этот мир существует. Когда-нибудь она сбежит из убогого мирка Хардвикского приюта и начнёт новую жизнь. Эта жизнь будет полна радости, как у людей в её любимых рекламных роликах. И будет взаправду.

Молли доводилось пробовать «кьют» – однажды миссис Тринкелбери принесла несколько банок. Но банок на всех не хватало, и Молли досталось всего несколько глотков. Она навсегда запомнила его восхитительный фруктово-мятный вкус.

Шагая обратно к городу, Молли размышляла, как здорово было бы, если бы одна выпитая банка «кьюта» в самом деле превращала бы человека в знаменитость. Ей хотелось, чтобы её все любили, как всех этих блестящих красавиц на плакате.

Хотелось стать богатой и красивой. А так – кто она сейчас? Бедная, уродливая, никому не нужная. Никто, ничто и звать никак.

Молли направлялась к городской библиотеке.

Ей очень нравилась эта библиотека – старая, неустроенная. Там было тихо, спокойно, в толстых альбомах лежали фотографии далёких мест, где Молли хотела бы побывать. И Рокки, и Молли любили приходить сюда. Старушка-библиотекарь всегда была занята – либо читала, либо раскладывала книги по местам – и не мешала им бродить где хочется. Правду сказать, библиотека была единственным местом, где никто никогда не ругал Молли. А в заветном укромном уголке можно было отдохнуть.

Она поднялась по каменной лестнице, прошла мимо каменных львов на её вершине и очутилась в фойе. Сладковатый запах паркетного лака на полу мгновенно успокоил девочку. Она вытерла ноги и подошла к доске объявлений, куда попадали весточки из внешнего мира. На этой неделе кто-то пытался продать водяную кровать, а кто-то ещё отдавал котят в хорошие руки. Объявления приглашали на занятия йогой, уроки танцев, кулинарные курсы и пешеходные прогулки. Самый большой плакат возвещал о том, что на следующей неделе состоится брайерсвилльский конкурс «Мы ищем таланты». Это напомнило ей о Рокки – он должен был выступить на конкурсе с одной из своих песен. Молли надеялась, что он победит, но, вспомнив, что она всё ещё сердита на него, велела надеждам замолчать.

Молли тихонько открыла тяжёлую дверь и вошла. Библиотекарь сидела за столом и читала книгу. Увидев Молли, она улыбнулась.

– Здравствуй, – сказала она, блеснув сквозь стёкла очков добрыми голубыми глазами. – Увидела в дверях школьную куртку и подумала: наверное, это твой друг. В последнее время он сюда частенько заходит. Рада снова видеть тебя.

Молли улыбнулась в ответ.

– Спасибо.

Дружелюбие старой библиотекарши сбивало её с толку. Молли не привыкла, чтобы взрослые относились к ней с добротой. Она неловко опустила глаза

под пристальным взглядом женщины и принялась листать брошюры, сложенные перед газетным столом, за которым какая-то пожилая дама читала журнал под названием «Собачья краса». Её причёска была щедро обрызгана розоватым лаком.

Значит, вот куда Рокки тайком ускользает от неё – в библиотеку. Молли снова подумалось: а не хочет ли он здесь спрятаться от неё? Потом она решила отбросить глупые мысли и пошла по библиотеке, мимо длинных рядов книжных полок, по дороге прихватив с кресла мягкую подушку.

С обеих сторон тянулись высокие шкафы с книгами. От А до В, от Г до Е. Полки были уставлены книгами, нередко – в два ряда. Наверное, подумала Молли, некоторые из книг не снимали с полок годами. Она прошла от Ж до К, потом повернула вбок, где стояли другие стеллажи – от Л до Н, от О до С, от Т до Ф, от Х до Ч, от Ш до Я. Дошла до конца и направилась обратно.

Стеллаж на букву З. Любимое место Молли. В этом месте, в уголке, проход сужался, и там умещались только короткие полки. А между шкафом и стеной оставался узкий просвет, обогреваемый тёплой трубой. Там горела электрическая лампочка. Ковёр здесь был почти не истёртый – сюда мало кто заходил, потому что не так уж много найдётся писателей, чьи фамилии начинаются на Ж, З или И. Сюда заглядывали, например, чтобы взять книгу по зоологии. Но это случалось нечасто. Молли сняла куртку и легла головой к букве И, ногами к букве Ж, подложив под голову подушку. Пол был тёплым, где-то вдалеке ритмично постукивал бойлер в котельной, тихо журчал у телефона голос библиотекаря. Молли понемногу успокоилась, задышала ровнее и представила себе, что она летит высоко-высоко в космосе. Потом она задремала.

Разбудил её чей-то сердитый громкий голос. Она проспала около получаса. Человек, говоривший с американским акцентом, был страшно зол, и с каждой секундой его хриплый голос грохотал всё громче и громче.

– Поверить не могу, – рычал он. – Немыслимо! Я только на днях договорился с вами по телефону. Перевёл вам деньги за прокат книги, прилетел за ней из Чикаго. Преодолеl тысячи миль, а вы тем временем взяли да и потеряли её! Что за паршивое у вас заведение?

Такого с Молли ещё не случилось. У неё на глазах давали взбучку кому-то другому. Беспомощный голос библиотечарши был жалобен, как птичий писк:

- Простите, профессор Нокман, понятия не имею, куда она могла подеваться. Я своими глазами видела эту книгу на прошлой неделе. Могу только предположить, что её взял кто-то из читателей... Хотя она стоит в отделе, из которого книги не выдаются на дом, и поэтому не может быть... ох, боже мой... Погодите-ка, посмотрю в формулярах.

Молли приподнялась на локте и выглянула между полками: кто же там так шумит? За главной стойкой библиотечарша лихорадочно рылась в формулярах, листала каталожные карточки, как будто хоть одна из них могла подсказать ей, куда делась пропавшая книга. Молли прекрасно её понимала.

- Вы сказали, автор книги - Логам? - озабоченно спросила она.

- Логан, - поправил её суровый голос. - А название начинается на букву Г.

Молли встала на колени и выглянула через полку повыше - ей хотелось посмотреть на этого бузотёра. Перед ней очутился его живот, толстый, как бочка, обтянутый гавайской рубахой с пальмами и ананасами. Молли поднялась ещё на одну полку. Рубашка была с коротким рукавом, и на волосатой руке девочка заметила очень дорогие на вид золотые часы. Пальцы оказались короткими, толстыми и тоже волосатыми, а ногти - безобразно длинными. Мужчина нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

Молли приподнялась ещё на одну полку.

Нос у незнакомца был вздёрнутый, а лицо - круглое, с двойным подбородком. Чёрные жирные волосы начинались ниже лысины и свисали до плеч. Под нижней губой торчала острая треугольная чёрная бородка, аккуратно подстриженные усы блестели от масла. Глаза были круглые, водянистые, а лицо обгорело на солнце. В целом он походил на уродливого морского льва, и Молли подумалось, что она совсем не так представляла себе профессоров.

- Ну что? - воинственно спросил он. - Нашли?

– Да, то есть нет, простите, профессор Нокман, похоже, она никому не выдана. Ох, боже мой. Ну и беда. Даже не знаю, что могло случиться, – смущённо лепетала библиотечарша и принялась копаться в ящике своего стола. – Профессор Нокман, может быть, вернуть вам чек?

– Мне не нужен мой чек, – грохотал разъярённый профессор. – Как вы смеете терять книги! Как вас ещё держат в библиотечарях?

Профессор Нокман захлёбывался от ярости.

– Мне нужна эта книга. Я заплатил за неё. И я её получу! – Он зашагал по проходу от буквы А к букве Г. – Наверное, какой-нибудь идиот поставил её не на место!

Библиотечарша нервно заёрзала в кресле. А гневный профессор топал между шкафами и пытел от натуги. Молли слышала его сердитое дыхание. Теперь он стоял от неё по другую сторону книжных полок, так близко, что до него можно было дотронуться рукой. От него воняло прогорклым маслом, рыбой и табаком. Вокруг прыщавой шеи висела золотая цепь, среди густых волос на груди притаился медальон в виде скорпиона. Глаза у золотого скорпиона были бриллиантовые. Они блеснули в лучике света, словно подмигнули Молли. Пухлые когтистые пальцы профессора торопливо пробежали по книгам от Т до Ф.

– Хорошо же, – вдруг заявил этот кабан-бородавочник в человеческом облике. – Книги, как я вижу, здесь нет, поэтому поступим так. Вы, – он промаршировал обратно к стойке и грозно вытянутым пальцем чуть не ткнул несчастную старушку между глаз, – побеседуете со своими коллегами и выясните, что стряслось с моей книгой. Как только узнаете, позвоните мне. – Он вытащил из заднего кармана бумажник из змеиной кожи, достал оттуда визитную карточку и что-то написал на обратной стороне. – Я остановился в Брайерсвилльской гостинице. Звоните мне и держите в курсе дела. Помните: достать эту книгу – дело первоочередной важности! Она мне нужна для серьёзнейших научных исследований. Мои коллеги по музею придут в ужас, когда услышат, как вы меня подвели! Хотя, если вы найдёте книгу, они, конечно, об этом не узнают. Я понятно выразился?

– Да, профессор.

Профессор подхватил кожаное пальто и, сердито ворча, вышел из библиотеки.

Библиотекарь закусила губу и принялась поправлять шпильки в пучке на затылке. Снаружи хлопнула парадная дверь. Молли опустилась на колени. Прямо перед ней большая табличка И указывала начало книг на букву И. И, И. И...

И для чего же гадкому профессору так нужна эта книга? Он говорил, что заплатил за её прокат, хотя она стояла в отделе, откуда книги на дом не выдаются. И приехал за ней издалека. Видимо, книга очень интересная. Уж наверное, поинтереснее, чем «Изыскания», или «Иноверцы», или «Ипнотизм». Ипнотизм? Что за странное слово? Молли посмотрела на книгу, стоявшую перед ней. Кусочек её корешка с первой буквой названия был оторван. И вдруг Молли осенило: первой буквой была Г!

Она торопливо стянула с полки тяжёлую книгу в кожаном переплёте и, оглядевшись – не смотрит ли кто-нибудь, раскрыла её.

На титульном листе старомодными буквами было напечатано:

Дальше Молли заглядывать не стала. Она тихонько закрыла книгу, завернула её в куртку и, когда библиотекарьша склонилась под стойку за чайной чашкой, выскользнула из библиотеки.

И это было второе из странных происшествий на этой неделе.

Глава четвёртая

Сгорая от любопытства, Молли шагала по окраинным улочкам Брайерсвилля, по полям, по склону холма – обратно к приюту. Дождь перестал, но она всё равно крепко держала под мышкой книгу, завёрнутую в тёплую куртку. Вечер только начинался, но блёклое ноябрьское солнце уже начало тускнеть. В лесу громко щебетали фазаны, рассаживаясь по гнёздам, а в траве прямо из-под ног Молли шустро разбегались кролики.

Когда она добралась до Хардвикского приюта, в окнах каменного здания уже замерцал свет. Сквозь тонкие занавески на втором этаже Молли разглядела согбенный силуэт мисс Гадкинс – та гладила свою капризную собачонку Петулу.

Молли улыбнулась про себя, приоткрыла железную калитку и тихонько пошла по гравиевой дорожке. В эту минуту открылась боковая дверь приюта, и оттуда вышла миссис Тринкелбери. Увидев Молли, она с нежностью обняла её пухлыми руками.

– З-здравствуй, здравствуй, Молли, крошка моя! Вернулась наконец! А то уж я совсем тебя потеряла. К-как поживаешь? Хорошо?

– Спасибо, в целом неплохо, – ответила Молли, тоже обнимая старушку. Ей не терпелось рассказать миссис Тринкелбери про книгу, но она благоразумно решила молчать. – Как поживаете?

– Хорошо, детка, как всегда. Только с Гизелой хлопот много, да это уж так повелось. Смотри-ка, я тебе пирожок припасла. – Миссис Тринкелбери запустила руку в цветастую вязаную кошёлку и пошарила там. – Ага, вот он. – Она передала Молли завёрнутый в кальку пакетик. – Ш-шоколадный. Вчера вечером испекла. – Стёкла её очков сверкнули отблесками света, падавшего из вестибюля. – Только смотри, как бы тебя мисс сама знаешь кто с этим пирожком не застучала.

– Спасибо, – признательно сказала Молли.

– П-пора мне, детка. – Старушка плотнее запахнула потёртое вязаное пальто, застегнула его на пуговицы с цветочками и поцеловала Молли. – Не замерзай, малышка. Через неделю увидимся. – С этими словами миссис Тринкелбери зашагала к городу, а Молли вошла в приют.

Она на цыпочках проскользнула к себе в спальню и, пока остальные пили чай, успела спрятать книгу и пирожок под матрасом. Потом спустилась в столовую и села поодаль от остальных, за маленький столик у камина.

Обычно Молли пила чай вместе с Рокки, но сегодня, как назло, он не пришёл. Молли съела хлеб с маргарином, настороженно поглядывая на Гизелу – та сидела за большим столом в другом конце комнаты. Сегодня Гизела была в центре внимания, потому что победила в кроссе. Её толстые ноги были забрызганы грязью, круглое лицо покраснелось, а в волосы она лихо воткнула веточку с листьями, будто перо.

Молли понимала: как только та увидит её одну, сразу же начнёт задираться. И злобность будет нарастать, как снежный ком. Гизела отпустит парочку колких замечаний, Молли пропустит их мимо ушей. Тогда Гизела будет поддразнивать её всё злее и злее, пока не пробьёт защитную скорлупку. Молли вспыхнет, её лицо задёргается, или того хуже – в горле встанет комок, а глаза наполнятся слезами. Для Молли всегда было трудно сохранить уверенность в себе, когда Гизела и её подружки налетали всем скопом. Молли торопливо запихнула в рот последний кусок хлеба и хотела уйти. Но было уже поздно.

Гизела заметила её и хриплым голосом закричала:

– Смотрите, Беда наконец добралась до финиша! Что с тобой стряслось, Дрёма? Уж не свалилась ли ты в лужу? А может, на тропинку выскочила лягушка, а ты её испугалась? Или у тебя коленки подкосились?

Молли саркастически улыбнулась, пытаясь не обращать внимания на обидные слова.

– Ты считаешь это холодной улыбкой? – не отставала Гизела. – Смотрите, Лупоглазая строит из себя крутую!

Молли ненавидела Гизелу, однако так было не всегда. Поначалу она жалела эту девчонку.

Гизела попала в приют четыре года назад, когда ей было шесть лет. Её родители разорились и вскоре погибли в автокатастрофе, не оставив ей ничего, даже родственных связей. И девочка, одинокая и никому не нужная, попала в Хардвикский приют. Молли старалась как могла, чтобы Гизеле не было одиноко, но вскоре поняла, что той не нужна её дружба. Однажды Гизела прижала Молли к стене и заявила: «Ты мне в подмётки не годишься. У меня была хорошая семья, я знаю, что такое любящие родители. Меня не подбрасывали на крыльцо, как ненужную тряпку. Я попала сюда из-за трагического поворота судьбы, потому что мои дорогие родители погибли». Гизела рассказывала тысячи историй о своём чудесном прошлом, и вскоре дети стали восхищаться ею. Но она терпеть не могла Молли и Рокки и всегда издевалась над ними. Целых четыре года Гизела дразнила и задирала Молли. По какой-то причине она невзлюбила свою невзрачную соседку. И теперь Молли отвечала ей тем же.

– Я спрашиваю, это, по-твоему, называется холодной улыбкой? – повторила Гизела.

Четверо детей постарше, сидевших рядом с Гизелой, захихикали. Коротышки-близнецы Синтия и Крейг, а также закадычные друзья Гизелы – Гордон Бойлз и Роджер Фиббин – были слишком слабы характером, у них не хватило бы храбрости сказать хоть слово против своего вожака. Они обожали смотреть, как Гизела задирает Молли.

Слева от Гизелы сидел, стиснув кулаки, Гордон Бойлз. Его немытые волосы были стянуты банданой. Недавно он циркулем и чернилами сделал себе татуировку: наколол на каждом пальце буквы, которые на левом кулаке складывались в слово ГОРД, а на правом – в слово ЦАРЬ. Со своего места Молли могла отчётливо прочитать «ЦАРЬ ГОРД». Гордон откусил пирожное, и Молли вспомнила его любимую шутку: взять ломоть хлеба и высморкаться в него. Он называл это «бутерброд с соплями» и затем съедал. Фантазия у него была извращённая, и, если ему заплатить, он был готов буквально на всё. При Гизеле он играл роль спаниеля.

Справа от Гизелы сидел её шпион и наушник Роджер Фиббин. Молли посмотрела на его чистенькую белую рубашку, аккуратную причёску и подумала: до чего же он похож на маленького взрослого. Его острый нос и холодные пронырливые глаза были зловещими. Рокки и Молли прозвали его Ябедой. А Синтию и Крейга они называли Клонами. Чем грубее Гизела дразнила Молли, тем громче хохотала

её свита. Джемма и Джерри, двое друзей шести и семи лет, тихонько сидевшие за небольшим столиком у дверей, забеспокоились. Им не нравилось смотреть, как издеваются над Молли, но они были слишком малы и ничего не могли поделать.

– А может, какой-нибудь фермер швырнул в тебя лопатой, потому что ты похожа на крысу? – предположил тощий Роджер.

– Или крыса бросилась на тебя, потому что у тебя руки воняют? – прогудел мускулистый Гордон.

– Или вы с Рокки сидели в кустах и мечтали о свадьбе? – ухмыльнулась Гизела.

И вдруг Молли улыбнулась. Эта улыбка происходила изнутри, из глубоко спрятанного волнения, из надежды на то, что книга о гипнозе поможет ей. Молли грезила наяву, представляя себе, чего она сможет добиться, если научится гипнотизировать людей. Пусть тогда Гизела со своей шайкой держатся подальше! Не говоря ни слова, Молли встала и вышла из комнаты. Ей не терпелось заглянуть в книгу. Но это удалось не сразу.

После чая всем детям полагалось отдыхать в постелях, кроме тех, кому было разрешено репетировать свои выступления к Брайерсвилльскому конкурсу талантов. Молли не терпелось почитать книгу о гипнозе, но она боялась рисковать, потому что на соседней кровати читала комикс Синтия.

Минуты текли невыносимо медленно. Молли прислушивалась к пению, доносившемуся снизу. Она услышала хриловатый голос Рокки и снова пожелала ему победы на конкурсе, но всё-таки она сердилась на приятеля за жестокие слова и поэтому не спустилась к нему. Потом пришло время делать уроки. Казалось, оно растянулось на целый год.

Наконец кукушка на часах мисс Гадкинс прокричала шесть раз. На вечерней молитве Молли изо всех сил старалась держаться подальше от Рокки, и он тоже не обращал на неё внимания. Пропев гимн под записанную на магнитофон органную музыку, мисс Гадкинс зажала под мышкой свою капризную раскормленную собачонку Петулу и сделала несколько объявлений. Во-первых, Молли должна была в течение недели убирать комнаты пылесосом, потому что она не сумела пробежать кросс до конца. Во-вторых, завтра в приют приезжают

гости из Америки.

– Они придут в четыре часа. Имейте в виду, они, как ни странно, желают усыновить одного из вас. Как вы помните, в прошлый раз наши американские гости уехали с пустыми руками. Не подведите меня на этот раз. Мне не терпится избавиться от кого-нибудь из вас. Им не нужны вшивые чумазые недомерки. – Глаза мисс Гадкинс остановились на Молли. – Поэтому приведите себя в порядок. Выбрать могут только порядочного ребёнка. Правда, некоторым из вас не стоит этого и говорить.

От этой новости у каждого из приютских детей ёкнуло сердце. Даже в глазах Гизелы Молли заметила огонёк надежды.

За ужином Молли сидела одна и грызла подбитое яблоко.

Наконец, когда Молли начало казаться, что она вот-вот лопнет от любопытства, ей представился удобный момент уединиться в пустой спальне. Она торопливо выхватила из-под матраца книгу и раздавленный пирожок, сунула их в мешок с грязным бельём для стирки и отправилась искать местечко, чтобы почитать.

Гадесом по-гречески называется ад. А в приюте так прозвали нечасто посещаемую прачечную, скрытую глубоко в недрах здания. Молли напрямик направилась туда, как будто собиралась постирать.

Прачечная была тёмным подвалом с низкими потолками. По стенам тянулись ржавые трубы, с которых свисала сохнувшая одежда. По крайней мере, здесь было не холодно. В дальнем конце стояли старые фаянсовые раковины с белым известковым налётом вокруг сливных дырок, в которых дети полоскали бельё. Молли отыскала тёплое местечко под электрической лампочкой, возле труб, и, сгорая от нетерпения, запустила руку в мешок с бельём.

Всю жизнь она мечтала быть непохожей на других. В фантазиях она представляла себя совсем особенной и ждала, что однажды с ней произойдёт что-нибудь чудесное. В глубине душа она знала, что в один прекрасный день на свет появится новая, блистательная Молли Мун и покажет всем обитателям Хардвикского приюта, какова она на самом деле. Вчера ей казалось, что необычайное происшествие вот-вот случится. Может быть, чудо просто запаздывало на денёк.

Весь вечер Молли размышляла о том, поможет ли эта книга воплотить в жизнь её мечты и чему она сможет из неё научиться. Голова шла кругом. Может быть, в своих фантазиях Молли забрела далеко. Трепещущая от волнения, девочка робко приподняла сухой кожаный переплёт. С тихим скрипом старая книга приоткрылась.

Перед ней снова был титульный лист.

Молли перевернула страницу. После первого же абзаца она задрожала от нетерпения.

«Дорогой читатель!

Добро пожаловать в удивительный мир гипнотизма!

Поздравляем вас. Ваше решение раскрыть эту книгу было правильным. Вас ждёт необычайное путешествие. Если вы претворите в дело посеянные здесь семена мудрости, то обнаружите, что мир полон богатейших возможностей. Счастливого пути!

Подписано: доктор Г. Логан.

Брайерсвилль,

3 февраля 1908 года».

Молли с удивлением отметила, что доктор Логан жил в Брайерсвилле. Этот сонный городок редко мог похвастаться выдающимися людьми. Девочка торопливо перевернула страницу.

«ВВЕДЕНИЕ

Вы, вероятно, не раз слышали о древнем искусстве гипнотизма. Может быть, видели на ярмарке среди бродячих артистов практикующего гипнотизёра. Он развлекает публику тем, что погружает кого-нибудь из зрителей в сон и заставляет его вести себя так, как тот никогда бы не поступил в повседневной жизни. А может быть, вы читали о том, как людей погружают в гипнотическое состояние перед операцией и они не чувствуют боли.

Гипнотизм – великое искусство. И, подобно другим видам искусства, он вполне доступен. Большинство людей могут научиться этому, если наберутся терпения и будут старательно упражняться. Мало у кого из учеников имеется природный талант. Ещё реже встречается настоящий дар. Может быть, вы – один из одарённых гипнотизёров? Прочитайте эту книгу, и узнаете».

У Молли вспотели ладони.

«Гипнотизм, – говорила книга, – получил своё название из греческого языка. „Гипнос“ по-гречески означает „сон“. Гипнотизёры практиковали своё искусство с древнейших времён. Иногда гипнотизм называют месмеризмом, по имени доктора Франца Месмера. Он родился в 1734 году и умер в 1815-м; изучение гипнотизма было главным делом его жизни.

Когда человек находится во власти гипнотизёра, он погружается в транс. Люди часто впадают в транс, сами того не сознавая. Например, если вы кладёте ручку, а в следующую минуту не можете вспомнить, куда положили её, значит, в тот миг вы были в транс.

Ещё одна форма транса – грёзы наяву. Люди, погружившиеся в мечтания, находятся в своём собственном мире и, выйдя из транса, часто не помнят того, что говорили или делали окружающие. В транс мысли людей улетают из шумного мира в более тихие уголки сознания».

Молли подумала об изобретённом ею способе подниматься в космос и оттуда смотреть на наш мир. Она нередко уходила в себя, когда на неё кричали. Может

быть, она, сама того не зная, погружалась в транс? Книга продолжала:

«Таким образом наш мозг расслабляется и отдыхает от мышления. Транс – вполне нормальное явление».

Когда Молли прочитала следующее предложение, её сердце заколотилось быстрее:

«Если вы хорошо умеете погружаться в транс, возможно, вы станете умелым гипнотизёром».

Она жадно читала дальше.

«Что же делает гипнотизёр? Он погружает людей в транс и удерживает их там, разговаривая с ними особым образом. Когда человек погружён в глубокий транс – нечто вроде сна наяву, – гипнотизёр может внушить ему определённый образ мыслей или поступок. Например, гипнотизёр говорит: „Когда вы очнётесь, вам больше не захочется курить“. Или: „Когда вы очнётесь, вы не будете бояться ездить на автомобиле“».

Молли на миг отложила книгу.

– Или так, – вслух размышляла она. – «Когда вы очнётесь, то будете считать себя обезьяной».

Молли улыбнулась – идеи одна за другой мелькали у неё в голове. Потом её охватили подозрения. Эта книга говорит правду – или она написана рукой сумасшедшего? Перелистывая страницы, Молли не могла отделаться от недоверия.

«Глава первая. Потренируйтесь на себе.

Глава вторая. Гипнотизируем животных.

Глава третья. Гипнотизируем других людей.

Глава четвёртая. Гипноз с помощью маятника.

Глава пятая. Гипнотизируем небольшие группы.

Глава шестая. Как загипнотизировать толпу.

Глава седьмая. Гипноз с помощью голоса.

Глава восьмая. Гипноз на большом расстоянии.

Глава девятая. Удивительные чудеса гипноза».

Книга пестрела рисунками людей в викторианских одеждах, демонстрирующих позы, которые нужно принимать для гипноза. На одной иллюстрации женщина с ровной спиной лежала на двух стульях – одном под головой, другом под ногами. Рисунок назывался «Человек-доска». Было множество схем, где человек корчил самые немыслимые рожи – то раздувал щёки, как пухлая рыба, то закатывал глаза кверху так, что показывались белки. «Тьфу, какая гадость!» – подумала Молли. Переворачивая толстые страницы тяжёлой старой книги, Молли постепенно дошла до главы шестой и обнаружила, что сразу за ней следует глава девятая. Две главы – седьмая «Гипноз с помощью голоса» и восьмая «Гипноз на большом расстоянии» – были аккуратно вырваны. Молли задумалась: кто же вырвал страницы? И когда это произошло – много лет назад или совсем недавно? Понять было невозможно.

Потом ей вспомнился уродливый, похожий на кабана человек в библиотеке. Он говорил, что за этой книгой приехал аж из Америки. Наверное, профессор считает, что под её обложкой скрыты необычайно ценные секреты. Вот так книга! Может быть, – робко подумала Молли про себя, – может быть, ей досталось настоящее сокровище!

Ближе к концу книги ей попались несколько страниц со старыми коричневатými фотографиями. На одной из них был изображён человек с шапкой тёмных кудрей и очками на толстом, как картошка, носу.

«Доктор Логан, самый знаменитый гипнотизёр в мире», – гласила подпись. Молли была рада увидеть, что хороший гипнотизёр не обязательно бывает писаным красавцем. Она торопливо перелистала страницы к первой главе: «Потренируйтесь на себе».

Первый раздел был озаглавлен «Голос». Молли начала читать: «Голос гипнотизёра должен быть тихим, мягким, убаюкивающим. Подобно руке матери, качивающей младенца, голос гипнотизёра должен погружать слушателя в транс».

Это было так соблазнительно, что даже не верилось. Ребята не зря наградили Молли прозвищем Дрёма: они утверждали, что её голос навеивает на них сон. Выходит, эта способность – не порок, которого надо стыдиться, а наоборот, редчайший талант. Дальше говорилось: «Ниже приводятся несколько упражнений для тренировки голоса. Их нужно произносить медленно и размеренно. Потренируйтесь».

Молли прочитала вслух: «У ме-ня чу-дес-ный спо-кой-ный го-лос. Я спо-кой-на и на-стой-чи-ва. Мой го-лос о-чень...»

Вдруг снаружи послышались громкие шаги. Молли поспешно захлопнула книгу, запихнула её в мешок с бельём и вытащила раздавленный шоколадный пирожок.

В Гадес спустилась Гизела. Она вошла в сушильную комнату, громко топая подкованными туфлями для чечётки.

– Фу, – наморщила нос Гизела. – Что ты тут делаешь, дура? Ты, кажется, пыталась петь? Брось. У тебя голос невыразительный.

– Просто напевала, пока искала носки, – ответила Молли.

– По-моему, ты спустилась сюда просто поразмыслить, почему тебя никто не любит. – Гизела сняла с верхней трубы свою хоккейную форму и обернулась

к Молли. – Дрёма, ты сама как старый носок. Рваный, вонючий, никому не нужный носок. Почему бы тебе не выступить на конкурсе талантов в роли носка? А ещё лучше – запишись на конкурс, где выбирают самого некрасивого человека в мире. – И, передёрнув плечами, добавила: – Спорим, Лупоглазая, твои родители были уродами.

Молли ничего не ответила, и Гизела продолжала:

– Да, кстати, сегодня, пока тебя не было, приходила твоя мерзкая чокнутая Тринкелбери. – И с довольной ухмылкой она зашагала прочь.

Молли посмотрела ей вслед, улыбнулась про себя и откусила пирожок. И вполголоса произнесла:

– Ну, погоди же, Гизела Хеккерсли. Погоди у меня.

Глава пятая

Назавтра, в пятницу, Молли проснулась в шесть часов утра, улыбаясь своим мыслям. Ей приснилось, что она стала знаменитым гипнотизёром. С этой минуты она начала строить дерзкий план.

В школу идти она не собиралась. У неё не было сил сидеть на противных, как помои, уроках старухи Жаббс, когда под матрасом её ждёт книга с удивительными тайнами. Кроме того, нельзя оставлять книгу без присмотра. Её может найти пронырливая мисс Гадкинс. А если взять её в школу, там её стащит Гизела.

Когда задремезжал утренний звонок, Молли сделала вид, что не слышит, и лежала с крепко закрытыми глазами, даже когда за ней зашёл Рокки. Гизела во второй раз затрезвонила колокольчиком у неё над ухом и стянула одеяло, но Молли всё так же безучастно лежала на кровати.

– Что, Лупоглазая, опять мозги отказали? – ухмыльнулась Гизела.

– Я плохо себя чувствую, – простонала Молли.

На завтрак Молли не пошла. Дождавшись, пока все спустятся в столовую, она торопливо вскочила с кровати и взялась за дело. Распахнула окно спальни и маленькими ножницами соскоблила немного зеленоватой плесени с каменной стены в пластиковую мыльницу. Потом осторожно размяла зелёные куски в мелкий порошок и припудрила им лицо. Кожа приобрела болезненно-зеленоватый оттенок, весьма реалистичный. Молли ополоснула мыльницу и поставила её на место около раковины.

Потом она на цыпочках прокралась в медпункт. Там стоял чайник. Молли включила его, спустя минуту взяла стакан, плеснула в него кипятка и спрятала под низким креслом. Достала железный тазик и водрузила его высоко на шкаф перед креслом.

Вернувшись в спальню, Молли покопалась у себя в ранце и извлекла пакетик с кетчупом, припрятанный для бутербродов. Сунула его в карман и легла обратно в постель. Ловушка была подготовлена.

Ребята начали возвращаться с завтрака. В комнату к Молли заглянул Гордон Бойлз.

– Заболела? Хоть какая-то надежда, – бросил он. Что-то посвистело в воздухе, и на шею Молли шлёпнулся какой-то противный, холодный и мокрый комок. Затем Молли узнала голоса Джерри и Джеммы – они зашли навестить её.

– Кажется, она простудилась. Может быть, вчера она и впрямь упала в лужу, – прошептала Джемма.

– Бедняжка Молли. Наверное, она заболела, потому что старшие всё время над ней издеваются, – предположил Джерри.

– М-да. Пойдём покормим твою мышку.

Наконец в комнату ввалилась мисс Гадкинс.

– Говорят, ты заболела, – без всякого сочувствия заявила она. – Значит, иди в медпункт.

Молли встала, пошатываясь, как будто у неё страшно болела и кружилась голова, и проследовала за мисс Гадкинс по обшарпанному коридору. Ребята выглядывали из комнат, чтобы поглазеть на неё. В медпункте мисс Гадкинс усадила Молли в кресло, сняла ключ с большой связки у пояса, открыла шкафчик, достала градусник и сунула его Молли в рот. Скрестив за спиной вспотевшие пальцы, Молли отчаянно взывала про себя, чтобы мисс Гадкинс хоть на миг вышла из комнаты. Спустя минуту её молитва была услышана.

– Я вернусь через пять минут. Посмотрим, так ли уж ты больна. – Мисс Гадкинс вышла, причмокнув вставной челюстью.

Оказавшись в безопасности, Молли вытащила из-под кресла стакан с водой – хоть уже и не кипящей, но всё же очень горячей – и опустила туда градусник. Тревожно, с колотящимся сердцем смотрела она, как ползёт вверх столбик ртути. Сорок два градуса – вполне достаточно, такая температура убедит мисс Гадкинс, что девочка в самом деле больна. Но для пущей уверенности Молли надорвала пакетик с кетчупом и сунула его обратно в карман. Нервы были натянуты до предела, и Молли, дрожа от страха, ждала воспитательницу, чтобы завершить свой план.

Спустя минуту в коридоре послышалось чмоканье и торопливые шаги – это возвращалась мисс Гадкинс. Молли повесила голову, стараясь выглядеть смертельно больной. Мисс Гадкинс вошла и, не говоря ни слова, выхватила градусник у Молли изо рта.

Молли поглубже вздохнула. Когда мисс Гадкинс водрузила очки на переносицу и всмотрелась в градусник, она скорчила гримасу.

– Мисс Гадкинс, – простонала она, извиваясь всем телом. – Меня тошнит.

Мисс Гадкинс отпрянула, будто ей на дороге встретился воинственный скунс, и торопливо огляделась по сторонам.

– Где же тазик? – Потом она увидела его высоко на шкафу.

Молли тем временем издавала громкие утробные звуки. Пока мисс Гадкинс карабкалась на стул, чтобы добраться до тазика, Молли украдкой выдавила в рот немного кетчупа и набрала глоток воды. Едва мисс Гадкинс с тазиком в руках ступила на пол, Молли кинулась к ней и выхватила тазик.

– Уы-гх ву-уфф. – Из рта у неё на стальное дно выплеснулась розовая жидкость. Для пущей убедительности Молли покряхтела ещё немного: – Ууырр-гхх, у-хх-ффу.

Кажется, представление удалось на славу.

– Простите, мисс Гадкинс, – еле слышно пролепетала она.

Воспитательница с отвращением отстранилась и ещё раз посмотрела на градусник.

– Скорее собирай вещи – халат, зубную щёт... – Она запнулась. – Собирай вещи, и пойдём в изолятор. У тебя температура сорок два. Угораздило же тебя! Надеюсь, мы все не заразимся. И вымой этот гнусный тазик. Забери его с собой.

Молли чуть не подпрыгнула до потолка от радости, что сумела провести мисс Гадкинс, но ничем не выказала своих чувств. Еле волоча ноги, она уныло потащилась в спальню, взяла лёгкий халатик и шлёпанцы, достала из шкафа тёплую кофту и прихватила мешок с бельём, в котором, разумеется, лежала книга по гипнотизму. Потом по выстланной бутылочно-зелёным линолеумом лестнице направилась в изолятор.

Это не был настоящий изолятор со множеством комнат и кроватей. Изолятором в Хардвикском приюте служила одна-единственная крохотная комнатка на чердаке, под самой крышей, подальше от спален. Она располагалась прямо над квартирой мисс Гадкинс. Молли прошла мимо площадки, куда выходила дверь воспитательницы. Она была уставлена тяжёлой мебелью красного дерева, на стене висел громадный портрет хозяйки. На полу около коричневого серванта лежала фиолетовая подушечка Петулы, рядом с ней – целая коллекция небольших камушков и гальки. Петула имела странную привычку сосать камни и выплёвывать их. Возле камней стояло блюдце, полное шоколадного печенья.

Молли поднялась к изолятору, распахнула дверь и, поскольку ноябрьский день выдался солнечным, обнаружила, что внутри довольно тепло. В лучах света, падающих сквозь оконные стёкла, плясали пылинки, на подоконнике между створками валялись дохлые мухи. Возле жёлтой стены стояла латунная кровать. Молли сняла с матраца чудовищную клеёнку – не собирается же она мочить постель! – и застелила кровать ситцевыми простынями и парой одеял. Потом устроилась поудобнее и начала читать.

Первую главу – о тренировках на себе – Молли решила пропустить. Ей не терпелось узнать, что делать дальше, к тому же она посчитала, что и так уже провела много лет в забытьи и трансе. Она сразу перешла к главе второй.

«Как гипнотизировать животных.

Теперь, когда вы освоили искусство вхождения в транс, вы можете попробовать загипнотизировать животное. Гипнотизировать животных – нелёгкое искусство, труднее, чем гипнотизировать людей. Но если вы, гипнотизируя животное, сумеете достичь того, что я называю „чувством слияния“, то в дальнейшем, практикуясь на людях, вы сразу узнаете это чувство, и оно будет вам полезным.

Если вы не достигли „чувства слияния“, значит, животное или человек загипнотизированы не до конца.

Первый шаг: впадите в транс сами.

Второй шаг: находясь в трансе, думайте о животном, которое вы хотите загипнотизировать (кошка, собака, лев и т. п.). Постарайтесь понять сущность этого животного. Представьте себе, что вы сами стали этим животным».

Молли закрыла книгу и сунула её под простыню. Потом пристально всмотрелась в солнечные блики, пляшущие на жёлтой стене, и начала вводить себя в транс. Мысленно она будто поднималась по крутому туманному склону, уходила прочь от обыденного мира. Ей было нетрудно отрешиться от всего, воспарить над миром, и вскоре всё окружающее, кроме солнечного блика на стене, стало казаться размытым и нечётким. Молли закрыла глаза и, следуя инструкциям в книге, начала думать о животном. Единственным животным в приюте была

Петула, любимая собачка мисс Гадкинс. Она и станет подопытным существом.

«Постарайтесь понять сущность этого животного. Представьте себе, что вы сами стали этим животным», – всплыли в мозгу у Молли слова доктора Логана.

Понять сущность Петулы. Молли сосредоточенно представила себе маленького мопса с бархатистой шкуркой. Собака она была злонравная, капризная и избалованная, раскормленная и ленивая. Почему она стала такой противной? Всегда только сердится и никогда не радуется. Молли представила её себе мысленным взором – толстое чёрное тельце, кривые передние ноги, подгибавшиеся под весом жирного туловища, вздёрнутый хвост, приплюснутую морду, белую отметину на лбу, сердитое рычание, хриплые вздохи, выпученные глаза. Погрузившись в транс, Молли всмотрелась в глаза Петулы – тусклые, водянистые, недовольные. Она склонялась над собакой всё ближе и ближе. Глаза Петулы стали величиной с чёрные бильярдные шары, потом с баскетбольные мячи, потом с большие кегельные шары. И наконец, когда Петулыны глаза приняли вид огромных воздушных шаров, готовых вот-вот взорваться, разум Молли скользнул под них и погрузился в собачьи мысли мопсика.

Молли почувствовала себя собакой. В воображении она видела свои четыре кривые лапы, отвислые уши, чуткий нос. Молли ощущала сладкий аромат шоколадного печенья, немного затхлый запах бархатной подушечки. Это было удивительно. Молли взаправду нюхала покрытую волосами подушку Петулы. Потом она ощутила свой животик – вздутый, переполненный. Её затошнило от шоколадного печенья, которым в немыслимых количествах кормила её мисс Гадкинс. Ой-ой! Как болит живот! Молли поняла, какво живётся Петуле, и даже тихонько заскулила в сочувствии: «Гр-ру-у!»

Где-то далеко часы мисс Гадкинс пробили восемь, и Молли открыла глаза. Значит, вот почему Петула такая вредная и сердитая. У неё всё время болит живот от шоколадного печенья.

У Молли в мозгу словно вдруг распахнулась дверца. Она была поражена тому, что так легко поняла Петулу. Интересно, какие ещё скрытые умения таятся в её душе? Умения, пользоваться которыми её научит мистер Логан. Если Молли освоит остальные уроки в книге так же быстро, как этот, то вскоре она станет классным гипнотизёром.

На миг Молли заколебалась. На самом-то деле ничего особенного она не сделала. Может, она просто выдумала все чувства Петулы. Молли торопливо раскрыла книгу снова. Посмотрим-ка, удастся ли ей всерьёз загипнотизировать Петулу. Для этого надо было выучить третий шаг.

Глава шестая

Когда все ушли в школу, Молли услышала в коридоре торопливые шаги мисс Гадкинс. Та направлялась в изолятор проведать больную. Мисс Гадкинс была рада увидеть, что Молли спит. Прикрывая нос платком, она прошла через комнату и оставила на столе записку.

«Поскольку ты, скорее всего, заразна, тебе нельзя общаться с остальными, пока ты не выздоровеешь. Когда сможешь есть, спустись в коридор, где кухня, и позови Эдну. Ни в коем случае не входи в кухню и не дыши на еду.

Вот градусник. Когда тебе станет лучше и температура упадёт до нормальных 37,5, ты перейдёшь к себе в спальню и будешь жить по обычному распорядку. Тогда же вернёшься к своему дежурству по уборке, которое ты не закончила.

Мисс Гадкинс».

Причмокивая вставной челюстью, мисс Гадкинс направилась в свои комнаты, чтобы выпить привычный утренний стаканчик хереса. День выдался, по её мнению, на редкость утомительный, поэтому она налила себе сразу пару стаканов. Вскоре после этого Молли услышала, как ноги воспитательницы шаркают по гравиевой дорожке за окнами. Заскрипели, отворяясь, железные ворота, Молли выглянула в окно и увидела, как мисс Гадкинс ковыляет к своему микроавтобусу. Она куда-то уезжает, но без Петулы. Вот и удобный случай провести опыт! Молли поспешно дочитала третий шаг в главе о гипнозе животных.

«Может быть, вам потребуется несколько месяцев на то, чтобы определить сущность животного, но не отчаивайтесь. Найдите „голос“, который подходит вашему животному».

Ага, Молли инстинктивно уже достигла этого. Она зарычала в точности как Петула.

«Четвёртый шаг. Встаньте лицом к своему животному и при необходимости медленно приблизьтесь к нему. Представьте себе „голос“ животного и „заговорите“ на нём медленно и спокойно. Повторяйте эти звуки, как бы убаюкивая, пока животное не погрузится в транс. Можно использовать маятник. (Все, кто изучает гипнотизм, должны приобрести маятник и изучить главу четвёртую.) Когда животное погрузится в транс, вы узнаете об этом, ощутив „чувство слияния“».

Молли закрыла книгу и вышла на лестницу. Перегнувшись через перила, она увидела Петулу – та громко похрапывала на своей бархатной подушечке. Молли тихо спустилась по лестнице и остановилась в трёх метрах от собачки. Она прикрыла и направила все свои мысли на Петулу, пока с её губ не слетел точь-в-точь такой же рык, как в прошлый раз. Молли рычала снова и снова, стараясь, чтобы звук получался медленным и ритмичным.

– Гр-ру-у! Гр-ру-у! Гр-ру-у! – повторяла она. Поначалу ощущение было дурацким, но вскоре, заметив, что Петула наострила уши и приоткрыла глаза, Молли сосредоточилась всерьёз.

Собачонка увидела Молли на верхней ступеньке лестницы и услышала знакомый звук. Петула наклонила голову и прислушалась. Будь всё как обычно, она зарычала бы, потому что приближение ребёнка означало, что её могут взять на руки. А Петула терпеть не могла, когда её берут на руки. От этого у неё болел живот. Глупая хозяйка всегда брала её на руки, а это так больно! Но этот ребёнок ей сочувствовал. Звуки, которые он издавал, успокаивали. Петула заметила, что ребёнок приближается, но не стала возражать. Петуле даже хотелось, чтобы девочка подошла ближе, ей хотелось заглянуть в её прелестные

зелёные глаза. Ей нравился голос этой девочки – он погружал её в приятную расслабленность.

Вскоре Молли оказалась всего в полушаге от Петулы. Чёрные собачьи глаза смотрели прямо на девочку.

– Гр-ру-у! Гр-ру-у! Гр-ру-у! Гр-ру-у! – повторяла Молли рычание, выражающее самую сущность Петулы. Она горячо надеялась, что гипноз подействует. И вдруг глаза Петулы, оставаясь открытыми, стали как стеклянные, будто в них задёрнулись занавески. Зрелище было странное. И, глядя в собачьи глаза, Молли ощутила, что от мысочков ног поднимается, растекаясь по всему телу, до самых корней волос, какое-то тёплое, ласковое чувство. Это, наверно, и есть то самое «чувство слияния», которое описывает доктор Логан. Молли перестала рычать. Петула села, глядя в пространство, покорная, как игрушечная плюшевая собачка. Получилось! Молли с трудом верила своим глазам. Вот здорово! Она по-настоящему загипнотизировала животное.

Теперь, подумалось Молли, надо внушить что-нибудь Петуле. Но как это сделать, не умея говорить «по-собачьи»? Больше всего ей хотелось бы заставить Петулу напустить слюней в стаканчик с хересом мисс Гадкинс, или укусить её за щиколотку, или вывалиться в коровьей лепёшке и затем улечься спать на кровать к мисс Гадкинс. Вдруг Молли сообразила, какая мысль будет самой полезной для Петулы. Надо отучить её от шоколадного печенья, которым закармливает её мисс Гадкинс. Петула ест печенье по привычке и из жадности, не догадываясь, что от этого у неё болит живот и портится характер. Молли достала из кармана полупустой пакетик с кетчупом.

Петула смотрела на девочку перед собой и думала, что она – самое милое, самое приятное существо на свете. Девочка взяла одно шоколадное печенье и намазала его чем-то противным. Чем-то красным. Петула догадывалась, что это страшно невкусно, потому что девочка морщилась от отвращения и корчила страшные рожи, глядя на красную замазку. И этой гадостью было покрыто Петулино печенье. Теперь оно казалось страшно неаппетитным. И девочка тоже так считала. Она издала утробный звук, как будто её сейчас вырвет. И Петула

поверила девочке. Своим собачьим умом она понимала, что должна запомнить всё, чему учит её это милое дитя. Шоколадные печенья – это плохо, плохо, плохо.

Потом девочка погладила Петулу по голове, и собачка ещё сильнее полюбила её. Девочка снова принялась тихонько рычать и вдруг, отойдя подальше, резко тьякнула. Это вывело Петулу из транса.

С озадаченной гримасой на морде Петула встряхнула отвислыми ушами. Она не помнила ничего, что случилось в последние десять минут, но чувствовала себя как-то по-новому. Ей совершенно не хотелось шоколадного печенья. Она его терпеть не могла. Зато полюбила девочку, сидевшую на ступеньках.

Молли помахала Петуле.

– Молодец, малышка, – сказала она.

Животик у Петулы всё ещё болел, но девочка ей так нравилась, что она подошла к лестнице, чтобы дать себя погладить. Она завиляла хвостом; ощущение было приятным, давно забытым. Она не виляла хвостиком уже много недель подряд.

Молли погладила Петулу. Как хорошо всё получилось! Потом она пошла в уборную и спустила в унитаз намазанное кетчупом печенье.

* * *

В тот день в животе у Молли урчало от голода, но она не обращала внимания. Она с головой погрузилась в книгу о гипнотизме. За обедом к чердаку поплыл запах печёного угря, приготовленного Эдной для мисс Гадкинс. Молли осторожно спустилась на площадку к Петуле и с радостью увидела, что та не прикоснулась к шоколадному печенью. Девочка пообедала собачьим печеньем и вернулась в изолятор, к своей книге.

В четыре часа Молли услышала, как ребята возвращаются из школы и мисс Гадкинс наполняет миску Петулы свежим печеньем. Пока все пили чай, Молли стащила три печенья. Через полчаса снаружи послышался шум машины. Выглянув из окна, Молли увидела, что это приехали американцы – худой

бородатый мужчина и его жена с розовым шарфом на голове. Мисс Гадкинс в своём лучшем кримпленовом костюме бирюзового цвета рассыпалась в любезностях.

– Добро пожаловать, входите, входите, – скрипела она.

На Молли внезапно нахлынула тоска. Хоть бы эти американцы выбрали её и забрали подальше отсюда! Как забрали однажды Ленту Атлас и Мозеса Корзинса. Но она понимала: усыновления происходят редко, и даже если кого-нибудь сегодня и выберут, то уж точно не её. К тому же стоило ей подумать о книге, и жизнь в приюте уже не казалась такой безнадёжной.

В тот день собачью миску ещё дважды наполняли печеньем. И каждый раз Молли украдкой спускалась подкрепиться, чтобы хоть немного утихомирить голод.

Молли читала до поздней ночи, старательно вникая во все уроки доктора Логана. Наконец она выключила свет и свернулась под одеялом тёплым, уютным калачиком. Впереди ещё масса времени. Весь следующий день она может притворяться больной и впитывать мудрые уроки доктора Логана, пока мисс Гадкинс не придёт проведать её. Утолять голод можно Петулиным печеньем. Через день-другой все секреты гипнотизма будут надёжно упрятаны у неё в голове. Как жаль, что две главы вырваны, однако и из оставшихся семи можно почерпнуть немало полезного. Ей не терпелось рассказать о своей находке Рокки. Их ссора казалась пустяковой по сравнению с тайнами, скрытыми в удивительной книге. Лёжа в постели, Молли размышляла, где раздобыть цепочку и маятник.

Вдруг в памяти всплыло сердитое лицо профессора, встреченного в библиотеке. Молли почувствовала себя немножко виноватой. Наверное, это самый лучший в мире учебник по гипнотизму, написанный самым знаменитым специалистом. И бедный профессор приехал за этой книгой за тысячи миль. Теперь, без мудрых мыслей доктора Логана, он не закончит своих исследований. Неудивительно, что он так разгневался. Дома, в музее, ему влетит за то, что деньги, потраченные на дорогие авиабилеты, пропали зря. Ничего страшного, подумала Молли, она дочитает книгу и сразу же вернёт её на место. И тогда пусть профессор изучает её хоть сотню лет. Успокоив этим свою совесть, Молли быстро уснула.

Больше она ни разу не вспомнила о профессоре. И напрасно.

Глава седьмая

На следующий день, в субботу, Молли проснулась от глубокого сна оттого, что Петула попыталась вспрыгнуть к ней на кровать. Молли опустила глаза, и Петула выронила на пол небольшой камушек. Она принесла его в подарок. Собачка выглядела намного веселее и ласковее. Молли взяла её на руки и почесала за ухом.

- Это я должна тебя благодарить, Петула, а не ты меня. Ты мне очень помогла.

Петула постучала Молли лапкой по груди, будто говорила: «Нет, это ты мне очень помогла».

Так они стали друзьями.

Молли встала с кровати и подошла к окну. Над шиферными крышами деревенских домов едва различались часы на церковном шпиле. Все остальные ребята уже отправились на субботнюю утреннюю прогулку.

Мисс Гадкинс любила возить детей в своём микроавтобусе к подножию холма под названием Горб святого Варфоломея, милях в десяти отсюда. Там она высаживала их и приказывала идти вверх по Горбу, а потом пешком, через холмистые поля, возвращаться в приют. Это давало ей три с половиной часа свободного времени, которые она проводила в городе. Молли знала: она обычно заходит в парикмахерскую, чтобы сделать педикюр и срезать мозоли на ногах, а потом идёт куда-нибудь пропустить пару стаканчиков хереса.

А это значит, что у Молли в запасе есть около трёх часов.

Не теряя времени, она накинула халат и вышла из комнаты. Как приятно было съехать по перилам, зная, что тебя никто не остановит. Петула весело скакала сзади. Она юркнула в квартиру мисс Гадкинс сквозь низенькую собачью дверцу и через мгновение выскочила со своим поводком в зубах. Собачка спустилась вслед за Молли на первый этаж. Молли пересекла вестибюль, потом, чуть не поскользнувшись на натёртом полу, миновала парадный зал и тихонько проникла в столовую. Дальше путь лежал в кухню. Она спустилась по наклонному коридору, мимо шкафов с тарелками и буфетов с ножами. Издалека слышался лязг кастрюль – это Эдна готовила обед. Молли крадучись вошла в кухню, повторяя про себя уроки из главы третьей – «Гипнотизируем других людей» – и главы четвёртой – «Гипноз с помощью маятника».

Лёжа на чердаке, Молли уже совершила воображаемое путешествие в глубь разума Эдны. Там она нашла раздражённую женщину, полную обиды на весь мир, измученную жизнью и уставшую от работы. Девочке подумалось: теперь она знает, как загипнотизировать Эдну. Это будет нетрудно. В конце концов, ворчливая Эдна чем-то напоминает животное. Молли глубоко вздохнула и подавила пробежавшую по телу нервную дрожь. Даже если ничего не получится, Эдна просто подумает, что девчонка ведёт себя как-то странно. Молли вошла в обшарпанную кухню с потрескавшимся белым кафелем на стенах. Здесь стояли две побитые раковины, две газовые плиты, пол был выложен каменными плитками. Петула преданно трусила по пятам.

Эдна доставала из мешка куриные головы и швыряла их в огромную кастрюлю с кипящей водой.

– Добрый день, Эдна, – вежливо поздоровалась Молли. – Как вкусно пахнет.

Элла подскочила на месте и окинула Молли испепеляющим взглядом.

– Разрази тебя гром, какого чёрта ты подкрадываешься исподтишка? – завопила она. Очевидно, Эдна не пребывала в том же подозрительно хорошем настроении, что и в давешний вечер. Молли ещё раз попыталась завязать разговор:

– Что вы готовите?

– Суп, что же ещё, дьяволу его на стол, – проворчала Эдна, стряхивая пёрышко с куриной головы. Впервые Эдна выразилась правильно: суп, покрасневший от куриной крови, и впрямь годился на стол самому дьяволу.

– Как аппетитно, – проговорила Молли, хотя в животе у неё всё переворачивалось. – Флотский рецепт?

– Небось пришла, чертовка, чтобы поесть? Смотри, не зарази тут ничего.

– Вы выглядите чертовски усталой, – участливо произнесла Молли.

– А я и впрямь устала до чёртиков, – отозвалась Эдна. – С ног сбилась, дьявол вас всех раздери. В кухне чертовская жара. – Она одёрнула белый фартук и захлопала руками, напомнив Молли огромную жирную индейку.

– Присядьте, – предложила ей Молли. – Отдохните. Я помешаю ваш проклятый суп, а вы устраивайтесь поудобнее. Смелее, Эдна. Вам чертовски давно пора отдохнуть.

Эдна с подозрением воззрилась на Молли. Но какие-то нотки в голосе девочки успокоили её.

– Садитесь, так вам будет удобнее, – уговаривала её Молли.

И Эдна, ленивая от природы, согласилась.

– И впрямь почему бы мне не отдохнуть. Ты, поди-ка, битых два дня в постели прохлаждаешься, а я тружусь тут как проклятая.

Она опустилась в кресло, раскинув ноги, как кукла.

– Мне кажется, так вам намного удобнее, – сказала Молли, забирая у Эдны ложку. – Вы, наверное, чертовски устали.

Эдна кивнула.

- И впрямь... Уф-ф! - Она откинулась на спинку кресла и шумно вздохнула.

- Вы поступаете правильно, - говорила Молли, спокойно глядя на Эдну. - Дышите глубоко, вот так, очень глубоко, и вы - сможете - сильнее - расслабиться.

- М-да, ты, глядишь, права, - согласилась Эдна, испустив ещё один хриплый вздох.

Голос Молли зазвучал чуть-чуть медленнее:

- Вдохните - ещё - несколько - раз - и - вы - поймёте - как - вы - расслабились... и как - вам - нужно - было - сесть...

- Да, - подтвердила Эдна. - Мне чертовски нужно было присесть. - Вдруг она открыла глаза. - Погоди-ка... ты ведь дьявольски заразна. Мне не велено подпускать тебя к этой проклятой еде.

Препятствие было неожиданным. Видимо, загипнотизировать Эдну будет не так легко, как казалось поначалу. Наверное, надо было раздобыть что-нибудь вроде маятника и сосредоточить на нём разум Эдны.

- Не волнуйтесь, кипящая вода в проклятом супе - убьёт - всех - микробов, - сказала Молли и вдруг в порыве вдохновения схватила ложку и принялась медленно, ритмично помешивать суп. Деревянная ложка двигалась в такт её словам. Эдна не сводила глаз с ложки. - Разве - вы - не - согласны, - говорила Молли, - что - кипящая - вода - убивает - микробов? Не - нужно - беспокоиться. - Молли изо всех сил сосредоточилась на словах и движениях. Эдна, кажется, хотела что-то сказать, но была не в силах оторвать глаз от вертящейся ложки, и вскоре её сморила ленивая истома.

- М-да, ты, пожалуй, дьявольски права, - проговорила она и опять осела в кресле.

- Мне - кажется - так - вам - гораздо - удобнее - и плечам - и спине, - говорила Молли.

– Мм-мм, – подтвердила Эдна. – И впрямь. – Потом добавила: – Знаешь, Молли, у тебя очень большие глаза.

– Спасибо, – ответила Молли, впиваясь в Эдну зелёными глазами. – Ваши – глаза – возможно – очень – устали – веки – тяжёлые – видите – вам – очень – нужно – отдохнуть.

Взгляд Эдны начал затуманиваться. Она неотрывно смотрела в глаза Молли и следила, как та мешает суп.

– А – в этой – кухне – так – тепло – и – приятно – вы – сидите – в кресле – а я – помешаю – суп – вот – так – вокруг – и – вокруг – и – вокруг. – Молли крутила ложкой, стараясь не смотреть на куриные головы, плавающие в кастрюле. – Вокруг – и – вокруг – вот – так – я – мешаю – суп – а вы – Эдна – расслабьтесь – ещё – и – ещё – вам – наверное – хочется – закрыть – глаза...

Эдна не закрыла глаза, но взгляд их стал отрешённым и сонливым. От радости Молли чуть не закричала «Ура! Получилось!», но удержалась и спокойно проговорила:

– Я – стану – считать – в обратную – сторону – от – двадцати – до – одного – а – вы – будете – рас-слаб-лять-ся – всё – больше – и – больше – пока – я – считаю. – Молли не переставая мешала суп и старалась, чтобы её голос звучал убаюкивающе. – Двадцать... девятнадцать... – Хмурая складка на лбу Эдны разгладилась. – Восемнадцать... семнадцать... – Веки Эдны затрепетали. – Шестнадцать... пятнадцать... четырнадцать... тринадцать...

При счёте «тринадцать» глаза Эдны плотно закрылись и по телу Молли поползло приятное щекощущее чувство.

– Чувство слияния! – ахнула Молли. Потом, заметив, что веки Эдны снова затрепетали, продолжила считать: – Одиннадцать... десять... девять... Теперь – Эдна – вы – полно-стью – рассла-бились – и – погру-зились – в транс... Восемь... вы – спокойны... Семь... Совер-шенно спо-койны.

Молли перестала перемешивать суп и подошла к Эдне.

– Шесть, – продолжала она, остановившись в полушаге от неё. – Пять... Пока я считаю, вы, Эдна, всё глубже и глубже погружаетесь в транс... а когда я дойду до нуля, вы будете делать всё, что я скажу... четыре... три... два... один... ноль... Хорошо, – произнесла Молли, глядя на Эдну, обмякшую в кресле. Получилось! Девочка не верила своим глазам. Низкий, размеренный голос, за который она получила прозвище Дрёма, несомненно, лучше всего подходил для гипноза. Может быть, в её глазах тоже скрывалось что-то необычное. Ей казалось, что в эту минуту они светятся изнутри.

На миг Молли растеряла все слова. Она так старалась погрузить Эдну в гипноз, что даже не задумалась о том, что же она хочет ей внушить. Поэтому она начала с первого, что пришло в голову.

– С этой минуты, Эдна, вы будете очень, очень хорошо относиться ко мне, к Молли Мун. Будете защищать меня, если кто-то меня отругает или начнёт дразнить или задирать. – Начало было хорошим. – А когда я приду на кухню, вы разрешите мне делать бутерброды с кетчупом... Будете покупать мне в городе всякие вкусные вещи, потому что вы очень, очень меня любите, и... и никогда больше не станете готовить рыбу под сырно-ореховым соусом. И вы вообще никогда больше не будете готовить рыбу, если она не будет свежайшая... поймана в тот же день... и... – Молли неуверенно замолчала, потом наобум добавила: – И вы заинтересуетесь... итальянской кухней. Достанете итальянские поваренные книги, будете стараться и станете лучшей итальянской поварихой в мире... и с этого дня будете готовить самые вкусные итальянские блюда. Только не для мисс Гадкинс – её вы будете кормить по-старому, только класть ей в тарелку намного больше перца, чем обычно. И, сами о том не догадываясь, будете перчить еду и для Гизелы Хеккерсли, и для Гордона Бойлза, и для Роджера Фиббина... Понятно?

Эдна машинально кивнула. Зрелище было восхитительное. Молли едва удержалась от смеха, но тут у неё в животе громко заурчало, и она твёрдо произнесла:

– А теперь, Эдна, вы отвезёте меня в город, и купите чего-нибудь вкусного на завтрак, и по дороге останетесь у меня в подчинении.

Эдна кивнула, встала и, не открывая глаз, шагнула к двери.

– Но, разумеется, – торопливо добавила Молли, – для этого вам придётся открыть глаза!

Эдна открыла глаза и опять кивнула. Взгляд у неё был отрешённый и стеклянный, как в прошлый раз у Петулы.

– Хорошо, Эдна. Пойдёмте.

И Эдна, как была, в белом фартуке, поварском колпаке и в белых башмаках на деревянной подошве, слепо, как зомби, вышла из дома. По дороге Молли прихватила пальто, чтобы прикрыть свою пижаму, а Петула на дорожке взяла в пасть маленький камушек.

Ездить с Эдной и в лучшие времена было малоприятным занятием. Она могучей ногой нажала на педаль газа так, что из-под задних колёс веером взметнулся гравий, и Молли поспешила пристегнуть ремень. Эдна, видимо, ещё не до конца вернулась в реальный мир. На её лице застыло весьма странное выражение – как будто ей за шиворот уронили кусочек льда. Она катила по дороге в Брайерсвилль резкими зигзагами, чуть не врезавшись во встречный грузовик. Потом проскочила два светофора на красный свет и зарулила на цветочную клумбу в парке, куда въезд был воспрещён. Наконец она остановила машину на тротуаре около кафе и, тупо глядя перед собой, ввела Молли и Петулу внутрь. Молли озабоченно выглянула из двери на улицу. Слава богу, кажется, их не заметил ни один полицейский.

В кафе двое строителей подняли головы от сэндвичей с беконом и пристально посмотрели на Эдну. Мало того что в своём белом наряде она выглядела довольно странно, да в придачу ещё и двигалась как заводная кукла. Молли поспешно усадила Эдну за стол.

– Что вам угодно? – спросил проворный официант с гвоздикой в петлице.

– Э-э, пожалуйста, – начала Молли, потому что Эдна не отрываясь сверлила удивлённым взглядом солонку и начала пускать слюни. – Я хочу четыре бутерброда с кетчупом, только не кладите слишком много масла, и полстакана концентрированного апельсинового сока, ничем не разбавленного. – Молли облизнулась. Как приятно заказать свои любимые вещи.

Официант стоял в замешательстве.

- Принести отдельно воды, чтобы разбавить сок?

- Нет, спасибо, - отказалась Молли. - Только принесите, пожалуйста, мисочку воды для нашей собачки. - Петула преданно уселась у её ног и, склонив голову набок, смотрела, как Эдна задумчиво дёргает себя за нижнюю губу.

- А что желает леди? - поинтересовался официант?

- До чёртиков обожаю всё итальянское, - заявила Эдна и сунула вилку в рот.

- Как хорошо хотя бы на денёк выйти из больницы, верно? - ласково обратилась Молли к Эдне, как будто ту отпустили погулять из сумасшедшего дома.

Официант сочувственно улыбнулся.

* * *

Двадцать минут спустя, после самого удивительного завтрака в жизни Молли, они ехали обратно в приют. Путь лежал мимо городских магазинов. Мимо фотомагазина под названием «Редкий кадр», мимо велосипедного магазина «Восьмёрка», мимо антикварной лавки с названием, выведенным старинной вязью: «Золотая ржавчина». Молли представила себе шикарные вещи, которые ей всегда хотелось иметь, и почувствовала себя наверху блаженства. У мисс Гадкинс на банковском счету наверняка сложены тонны приютских денег. И надо только загипнотизировать мисс Гадкинс, чтобы она взяла Молли в поход по магазинам. Молли покосилась на Эдну - та сияла идиотской ухмылкой, широко разинув рот. Она была полностью во власти Молли. Интересно, всех остальных так же легко загипнотизировать, как Эдну? «Видимо, - решила Молли, - у меня есть природный талант».

- Эдна, - сказала Молли, - когда мы вернёмся, вы пойдёте на кухню. Как только войдёте в дверь, вы очнётесь. Вы забудете о нашей поездке в город. Не будете знать, что я вас загипнотизировала. Расскажите мисс Гадкинс, что я спускалась к вам за таблеткой от головной боли и что, по-вашему, я всё ещё серьёзно больна. Понятно?

Эдна кивнула.

– И с этой минуты, если я хлопну в ладоши один раз, вы тотчас же снова впадёте в транс и будете выполнять всё, что я скажу. А когда я хлопну в ладоши два раза, вы выйдете из транса и не будете помнить ничего о том, что произошло. Понятно?

Эдна кивнула ещё раз. Её рот был раскрыт, нижняя челюсть свисала, как у куклы. Потом, изо всей силы топнув по педали газа и нажав на клаксон, она на полной скорости повела автомобиль в гору.

* * *

Профессор Нокман спал беспокойно. Ему мерещились маятники и вертящиеся узоры. Проснулся он оттого, что под окнами его номера в брайерсвилльской гостинице загрохотал и громко засигналил автомобиль. Он протёр глаза и провёл языком по давно не чищенным зубам. «Да здесь шумнее, чем в Чикаго», – проворчал он, выпутал медальон со скорпионом из тесёмки на фуфайке и потянулся за стаканом воды.

После неудачи в библиотеке профессору пришлось задержаться в Брайерсвилле. Он решил, что, если почаще нажимать на бестолковую библиотекаршу, она сумеет отыскать книгу. А может быть, ему удастся увидеть человека, который её читает. Брайерсвилль – городок маленький.

С самого четверга он бродил по улицам, высматривая людей с книгами в руках. Матери с маленькими детьми переходили на другую сторону дороги, чтобы не сталкиваться с ним, а какая-то компания подростков обзвала его психом. Профессор не обратил на них внимания. Ему нужна книга доктора Логана, и он был полон решимости её отыскать.

Ему необходимо было узнать секреты, скрытые под её обложкой. У него были на это свои причины, и они не имели ничего общего с музейными исследованиями.

Профессор Нокман очень много знал о жизни великого гипнотизёра. Он читал о том, как Логан вырос в Брайерсвилле и переехал в Америку, где работал

на сцене, гипнотизировал публику, прославился и разбогател. Нокман изучал пожелтевшие вырезки из старых газет, где описывались чудеса, демонстрируемые доктором на сцене. Эти чудеса сделали доктора мировой знаменитостью своего времени. Нокман даже посетил Гипнос-Холл – дворец, построенный Логаном на деньги, заработанные за сценическую карьеру.

Но особенно его поразило то, что доктор Логан, оказывается, написал книгу, в которой рассказывал всё, что знал о гипнозе, и учил всех желающих своим приёмам. Книга вышла очень малым тиражом и стала чрезвычайной редкостью. Профессору Нокману удалось выяснить, что один из немногих сохранившихся экземпляров находится в библиотеке в Брайерсвилле. С этой минуты он думал только об одном: раздобыть эту книгу. Он почти добрался до неё, но глупая библиотекарша умудрилась её потерять.

При мысли о библиотекарше Нокман затрясся от ярости. Вот бы вцепиться в её тощую шею!.. При этой мысли вся кровь бросилась ему в голову. Побагровев, как помидор, он потянулся к телефону.

– Дежурная? – сердито сказал он. – Принесите мне чашку библиоте... простите, чашку кофе.

Как он мечтал об этой книге! Никогда ещё он ничего так не желал. Ни разу за всю свою бесчестную жизнь он не был так одержим одной-единственной мыслью. От её находки зависели грандиозные планы. Никто не посмеет встать у него на пути, и он не вернётся в Штаты, пока эта книга не окажется в его жирных грязных руках.

Глава восьмая

Ввихре взметнувшегося гравия Эдна и Молли приехали обратно в приют. Там было пусто и тихо: мисс Гадкинс ещё не вернулась из города, а дети – с прогулки. Петула отправилась погулять по саду, а Молли, очень довольная, поднялась к себе на чердак. Она села на кровать и задумалась. Какая

необычайная удача! Загипнотизировать Эдну – это казалось радостным сном. Молли размышляла о своих новых возможностях, а из кухни под лестницей доносилась тихая музыка. От усталости у девочки начали слипаться глаза. Когда она гипнотизировала Эдну, с ними произошло что-то странное. Они как будто светились изнутри, а сейчас стали тусклыми и тяжёлыми. Молли перелистала книгу – не написано ли там что-нибудь о светящихся или усталых глазах? В главе «Как загипнотизировать толпу» нашёлся раздел под названием «Всё дело – в глазах».

«Чтобы загипнотизировать большую толпу, нужно полагаться только на свои глаза. Это занятие очень утомительно для глаз. Рекомендуем следующие упражнения».

Дальше шли схематические изображения. Глаз, смотрящий влево. Глаз, смотрящий вправо. Глаз, смотрящий на далёкие и близкие предметы. Потом ей попался заголовок «Упражнение с зеркалом».

«Встаньте перед зеркалом и смотрите прямо в свои глаза. Старайтесь не моргать. Вскоре ваше лицо изменит форму. Не пугайтесь. Вы почувствуете, будто ваши глаза светятся изнутри. Именно этого чувства свечения вы должны добиться, чтобы гипнотизировать людей с помощью глаз. Только так можно загипнотизировать толпу».

Значит, Молли загипнотизировала Эдну с помощью глаз? Девочка была уверена, что больше всего ей помогли ложка, послужившая маятником, и голос. Она подошла к зеркалу и всмотрелась в себя. Лицо, как всегда, было розовое, пятнистое, нос картошкой. Она вгляделась в свои зелёные, близко поставленные глаза. Они встретили её напряжённым взглядом. Десять секунд, двадцать, тридцать. Глаза задрожали и вдруг начали расти. Они становились всё больше и больше. Музыка снизу доносилась как будто издали. Молли сосредоточенно смотрела в свои глаза, стараясь не моргать. Она пыталась вновь вызвать то незнакомое чувство – как будто глаза светятся изнутри. Вдруг случилась удивительная вещь. Собственное лицо Молли растворилось, будто по мановению волшебной палочки, и на его месте возникло совершенно незнакомое лицо. Волосы стали оранжевыми и торчали в разные стороны, как колючки. На боку

носа выросла большая английская булавка, а веки покрылись сине-белой косметикой. Она предстала перед собой в облике панка. По ногам у Молли поползли мурашки, глаза будто бы вспухли и засияли. Они пульсировали, то включались, то выключались, будто луч маяка. Именно такими, как утверждает книга, должны стать глаза, чтобы загипнотизировать толпу. Молли заморгала и через минуту с радостью увидела в зеркале собственное лицо. Странное было ощущение. Неужели таким упражнением она загипнотизировала сама себя через зеркало? Может быть, книга объяснит, что произошло.

Молли пролистала раздел под названием «Упражнение с зеркалом». Там нашёлся параграф «Загипнотизируйте себя».

«Представьте себя в таком облике, какой вы хотели бы иметь, – советовала книга. – Например, если вам хочется стать добрее или смелее, вообразите себя таким, и тогда в зеркале вы увидите своё изменённое отражение».

Молли озадаченно оторвалась от книги. Она никогда не воображала себя панком, однако в зеркале предстала именно такой. Как будто она подсознательно хотела стать панком и с помощью гипноза увидела свою истинную индивидуальность. Кто такие панки? Она всегда считала их людьми непокорными, бунтовщиками. А Молли очень хотелось взбунтоваться. Видимо, подсознание шло на один шаг впереди неё и показало, кем она в глубине души хотела бы стать.

Она спрятала книгу под матрац, села и задумалась: какие ещё свои черты она могла бы извлечь на белый свет? Потом, всё ещё размышляя, она взяла карандаш и принялась сверлить дырку в куске мыла. Выдернула шнурок из бахромы на покрывале и просунула его в дырку. Получился самодельный маятник. Правда, не очень хороший, но на первое время сгодится. Хоть Молли и устала, но ещё можно успеть испробовать его на Эдне, пока остальные не вернулись. Молли накинула халат и спустилась по лестнице.

По дороге она прошла мимо Петулы, и та весело затрусилась за девочкой. Миновав крутую лестницу, Молли очутилась на шахматных каменных плитках в вестибюле. Молли опять услышала музыку – она доносилась из телевизионной комнаты. К её удивлению, оттуда же слышался хриплый голос Гизелы. Та пела. Наверное, ей удалось каким-то образом увильнуть от субботней прогулки.

Молли на цыпочках прошла по коридору и заглянула в гостиную. Гизела была одета в кошачий костюм, приготовленный специально к конкурсу талантов: белый свитер, белые колготки, белые чечёточные туфли и белые пушистые ушки на головной ленте. В руке она держала белый хвост и, помахивая им, танцевала и пела.

Простите за то, что гоняю я птичек,

Простите за то, что ловлю я мышей.

Люблю воровать молоко я из миски...

А всё потому, что я – киска! О'кей!

Мяу-мяу!

Гизела отплясывала чечётку, широко распахнув глаза и хлопая ресницами. Вид у неё был глупейший. Молли смотрела на неё и жалела, что под рукой нет фотоаппарата. Потом ей пришла в голову другая мысль. Когда Гизела отвешивала поклон, Молли вздохнула поглубже и вошла.

– А, Дрёма, это ты... и с тобой эта вонючая псина. Надеюсь, тебе не стало лучше? – простонала Гизела. Петула ответила рычанием.

– Да, мне лучше, спасибо, – ответила Молли и достала из кармана самодельный маятник. Она села перед Гизелой и принялась покачивать маятником, как будто играла с ним от нечего делать.

– Это ещё что такое? – поморщилась Гизела. – Тебе приходится повсюду таскать с собой мыло, потому что у тебя ладони потеют?

Молли подняла маятник к её лицу и ритмично покачивала им из стороны в сторону.

- Что ты делаешь?

- Ничего, просто рас-слаб-ляюсь, - ответила Молли.

- Не ври, - огрызнулась Гизела. - Ты хочешь меня загипнотизировать. Такие дурочки, как ты, всегда считают, что гипноз бывает по-настоящему.

Молли перестала раскачивать мыло.

- Ничего подобного, - быстро возразила она.

- Ты же круглая дура, - осклабилась Гизела, и Молли поняла, что с Гизелой нельзя действовать столь прямолинейно. Предыдущий успех вселил в неё излишнюю уверенность в себе. Теперь Гизела начеку, и загипнотизировать её будет труднее.

- Я и не думала тебя гипнотизировать. Это не маятник, а... а просто мыло на верёвочке, чтобы не потерять его в ванне.

- Надеюсь, ты не собираешься принимать ванну, - язвительно проговорила Гизела, перематывая кассету. - Гадкинс будет недовольна, узнав, что ты нарушаешь её наказание. Если ты с головы до ног испачкалась в рвоте, такой и оставайся. Тебе запрещено принимать ванну четыре недели.

- Да, - подтвердила Молли. - Просто я готовлюсь заранее.

Гизела с отвращением взглянула на Молли.

- Редкостная дура, - произнесла она. Потом, глядя, как Молли выходит из комнаты, бросила ей вслед: - Кстати, слышала новость?

- Какую новость?

- Рокки нашёл себе семью.

Молли показалось, будто её с головы до ног окатили холодной водой. Еле шевеля губами, она пролепетала:

– К... когда?

Гизела злобно ухмыльнулась.

– Эти американцы, что приезжали вчера. Как ни странно, он им понравился... Чокнутая парочка. В общем, вчера вечером он уехал. Даже попрощаться к тебе не зашёл, правда? А знаешь почему? Он сказал мне, что хочет от тебя сбежать. Говорит, он сыт тобой по горло. Просил передать, что черкнёт пару строк.

– Ты шутишь... выдумываешь... – проговорила Молли.

– Ничуть я не шучу, хотя и нахожу это очень забавным, – холодно отрезала Гизела.

Молли впиалась глазами в её злое лицо.

– Врунья, – крикнула она и выскочила из комнаты. Но внутри неё бушевала целая буря чувств.

Рокки уезжает? Сама мысль об этом вселяла ужас. Молли не могла в это поверить. Потерять Рокки – это всё равно что потерять руку, или ногу, или всю семью сразу, потому что Рокки был для неё единственной семьёй, какую она знала. Гизела, должно быть, врёт. Рокки ни за что бы не уехал, не посоветовавшись с Молли. И вообще, он бы не уехал, если бы её не усыновили вместе с ним. Таков был их давний договор. Если они уедут, то только вместе. Гизела просто придумала новый жестокий способ её изводить.

Но в душе клубилось страшное подозрение – вдруг Гизела не врёт? Выходя из комнаты и поднимаясь по лестнице, Молли не чуяла под собой ног от леденящего страха. Ладони начали потеть, хотя её с ног до головы трясло от холода. На площадке второго этажа из двери мальчишечьей спальни лился желтоватый свет, тёплый и знакомый. Молли подумала: стоит сейчас войти в их спальню, и все вещи Рокки окажутся на своих местах, радостно её приветствуя. Она будет упрекать себя за то, что поверила в рассказы, выдуманные Гизелой.

Но с каждым шагом идти становилось всё труднее. Потом в глаза ей ударила ужасающая правда.

Кровать Рокки стояла голая, без простыней, три одеяла лежали свёрнутыми в аккуратные треугольники, подушка была без наволочки. На тумбочке не валялось ни одного комикса. Раскрытый гардероб зиял пустыми полками.

Молли едва дышала. Незримый ужас стиснул ей горло и разум, парализовал лёгкие, она не могла сделать ни глотка воздуха. Она привалилась к дверному косяку, глядя на безымянную, осиротевшую кровать.

– Как ты мог? – прошептала Молли. Она прошла через комнату и села на пустой матрац. Постепенно она сумела восстановить дыхание и мыслить логически. В душе она была уверена, что без веской причины Рокки ни за что не уехал бы, не попрощавшись с ней. Да, они поссорились, но размолвка не была такой уж серьёзной. И, хотя Рокки в последнее время часто куда-то пропадал, Молли всё равно не верила, что он от неё устал. Уж об этом-то злобная Гизела просто навывдумывала. Но как же объяснить его внезапное исчезновение? Он всегда был бродягой, на которого трудно положиться, но Молли считала эти недостатки совсем мелкими. Он не мог просто так взять и забыть о том, что надо зайти к ней попрощаться! Они всегда были как брат и сестра. Отчего же он бросил её? Странно.

С исчезновением Рокки у Молли не осталось ни одной близкой души. Если не считать Петулы. Младшие ребята, конечно, хорошие, но они слишком малы, чтобы дружить с ними. Страшно подумать о том, каково будет жить здесь без Рокки. Надо разузнать, где он, и поговорить с ним.

Еле переступая ногами, Молли, грустная и потерянная, побрела к себе на чердак. Будто в тумане, повернула кран в ванной и подставила лицо под струю воды. Ей казалось, что весь мир окутан белёсой пеленой и она никак не найдёт в нём себя. Молли подняла глаза и посмотрела в зеркало. Вот они, близко посаженные глаза, полные жгучих слёз. Она внимательно всмотрелась в своё отражение, вспомнив о том, что случилось в прошлый раз, когда она делала упражнение с зеркалом. Может быть, если она представит, что чувствует себя хорошо, ей и вправду станет лучше.

Под пристальным взглядом её черты исчезли. Снизу доносилась мяукающая музыка Гизелы, и Молли представила, что ей уже не так плохо. В тот же миг её лицо изменилось. Щёки округлились и порозовели, волосы стали мягче, светлее, волнистее. В них появились ленты. Она стала красивой! Как маленькая кинозвезда. Невероятно! По телу Молли снова поползло щекочущее «чувство слияния». Вся подавленность свалилась с неё, точно засохшая корка грязи, и её место занял оптимизм. Подсознание Молли снова показало ей через зеркало, какой она хочет и может стать.

Пока Молли взирала на своё незнакомое, блистательное отражение, её осенила идея. Грандиозная, потрясающая.

Этот фокус с глазами она, можно считать, освоила. А ведь именно этот приём используется для того, чтобы загипнотизировать толпу. Через несколько дней на городском конкурсе талантов соберётся целое море публики – и все будут смотреть на сцену. У конкурса обязательно должен быть победитель – тот, кто получит огромный денежный приз. Почему бы ей, Молли, не стать этим победителем?

Молли моргнула – и снова стала самой собой. В душе у неё поселилась надежда. Пусть даже Рокки уехал, она всё равно не хотела верить, что он возненавидел её.

Она мгновенно приняла решение. Надо выяснить, где он, придумать способ выбраться из Хардвикского приюта и поехать к нему. Это будет нелегко, но Молли пообещала себе пустить в ход всю свою энергию и талант. Она найдёт Рокки. Не успокоится, пока они снова не будут вместе.

Глава девятая

К субботнему утру Молли полностью воспрянула духом. Она чувствовала себя гораздо лучше, чем накануне, но всё равно очень скучала по Рокки. На вечерней молитве, когда дети увлечённо перешёптывались о том, как его усыновили,

Молли было очень одиноко. Ей не доставало его голоса. Как ей хотелось увидеть его снова, погладить чёрные блестящие волосы, закрученные тугими кудряшками, потрогать гладкую тёмную кожу, заглянуть в мягкие чёрные глаза. Ей не хватало его вылинявших джинсов, на которых каждую неделю появлялась новая дыра, рук, вечно испещрённых крапинками от шариковой ручки. Но больше всего она скучала по его ободряющей улыбке. В глубине её души зияющей пропастью разверзлась пустота. Машинально проговаривая слова гимна, Молли постаралась взять себя в руки. От грустных мыслей её отвлек соблазнительный аромат, долетавший из столовой. Пока мисс Гадкинс делала вечерние объявления, у Молли рот наполнился слюной.

– Первое объявление таково. Джемма и Джерри, на следующей неделе вы будете каждый день мыть окна, потому что перешёптывались на вечерней молитве. Может быть, отъезд Рокки Скарлета – интересное событие для вас, но никак не для меня. На вечерней молитве всегда должна стоять тишина. – Мисс Гадкинс фыркнула, Джемма и Джерри мрачно переглянулись.

А мисс Гадкинс на всех парах мчалась дальше:

– Второе объявление. Завтра состоится Брайерсвилльский конкурс «Мы ищем таланты». Полагаю, некоторые из вас захотят в нём участвовать. Конкурс начнётся в час дня. Вы пойдёте из школы в парадный зал городской ратуши и успеете вовремя. Приз составляет, как вы знаете, смехотворную сумму в три тысячи фунтов стерлингов, и, если кто-нибудь из вас выиграет, горячо надеюсь, что он внесёт эти деньги в фонд добровольных пожертвований на нужды приюта. Понятно?

– Да, мисс Гадкинс.

– После ужина устроим краткий предварительный просмотр. – Мисс Гадкинс посмотрела на Молли и улыбнулась всеми своими вставными зубами. Потом улыбка слетела с её лица. – Молли Мун, вижу, ты уже выздоровела. Во время ужина будешь сидеть за отдельным столиком. Я не хочу, чтобы другие дети подцепили ту же гадость, которой болела ты.

– Хорошо, мисс Гадкинс.

Молли прошла вслед за остальными в столовую. Никто с ней не заговаривал, но её это не заботило. Столовая заметно изменилась. Все столы, и большие, и маленькие, были застелены салфетками, на них горели свечи. Эдна с победоносным видом стояла возле огромной кастрюли, полной горячих спагетти с горохом и зеленью. От кастрюли исходил очень аппетитный запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bing_dzhordzhiya/molli-mun-i-volshebnaya-kniga-gipnoza

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)